

Курьер видал всё

Влад Велирский

Влад Велирский
Курьер видел всё

«Автор»

2026

Велирский В.

Курьер видел всё / В. Велирский — «Автор», 2026

Курьер Никита Орлов каждый день снимает один и тот же подъезд нагрудной камерой. Когда исчезает жительница комплекса «Маяк-12», его повреждённая запись становится и уликой, и обвинением. Никита уверен, что видел главное, — пока повторяющиеся доставки не обнаруживают подменённые коды, фантомный заказ и маршрут, которого нет в приложении. Поиски выводят его к архиву спорных долгов, служебным телефонам охраны и системе, где чужими руками создают безупречные квитанции. Но чем ближе разгадка, тем опаснее считать запись полной правдой. Чтобы помочь исчезнувшей и не разрушить жизни не причастных, Никите придётся признать собственную ошибку и научиться отвечать не только за увиденное, но и за то, что он решил показать другим.

© Велирский В., 2026

© Автор, 2026

Содержание

От автора	5
Глава 1. Доставка в 22:14	6
Глава 2. Семьдесят два часа	12
Глава 3. Чужой пакет	19
Глава 4. Лифт без этажа	27
Глава 5. Сестрина расписка	33
Глава 6. Камера у груди	42
Глава 7. Повтор пятницы	49
Глава 8. Домовой чат	56
Конец ознакомительного фрагмента.	57

Влад Велирский

Курьер видел всё

От автора

Курьер появляется у двери на несколько минут. Мы видим яркую сумку, телефон, усталое лицо — и почти сразу забываем человека, который только что пересёк двор, подъезд и коридор, пока мы ждали ужин или лекарство. Для него же наша дверь становится одной из десятков. Чужие голоса, коврики, неисправные домофоны, свет на лестничных площадках сливаются в маршрут, который нужно закончить до истечения таймера.

Эта книга выросла из простого вопроса: что, если самый незаметный участник городской жизни видел достаточно, чтобы изменить чужую судьбу, но не понял увиденного вовремя?

Камера кажется удобным ответом. Запись не устаёт, не отвлекается и не путает дни. Но камера видит только то, куда повернуто тело. Она не знает, почему человек открыл дверь, кому принадлежит голос за стеной и было ли молчание страхом, согласием или обычным нежеланием разговаривать. Метка времени не объясняет событие. Чёткий кадр может дать ложную уверенность, а случайное отражение — оказаться важнее лица в центре.

Поэтому «Курьер видел всё» — не роман о всевидящей технологии. Здесь память ошибается, цифровой журнал имеет пробелы, а запись может причинить вред человеку, который не совершил ничего дурного. Истина возникает не из одного файла, а из сопоставления ограниченных свидетельств: маршрута, упаковки, света, дождя, привычки закрывать объектив у частной двери.

Главному герою придётся решить не только, что случилось, но и что он вправе показать другим. Свидетельство начинается не в момент наблюдения. Оно начинается тогда, когда человек готов назвать пределы увиденного, признать собственную ошибку и отвечать за последствия вмешательства.

Все сервисы, организации, адреса и технические системы в романе вымышлены. Реальные профессии и городские привычки послужили материалом для самостоятельной истории, а не описанием конкретной компании или дела.

Глава 1. Доставка в 22:14

К девяти вечера город начинал экономить на лицах.

Люди натягивали капюшоны, смотрели в телефоны и расходились по освещённым прямоугольникам подъездов, будто на улице оставаться было уже неприлично. Никита ехал вдоль мокрых трамвайных путей и видел их не людьми, а помехами маршрута: женщина с таксой — обойти слева, подросток на самокате — наверняка качнётся, мужчина у остановки — шагнёт, не глядя. За четыре года доставки он научился угадывать чужое движение раньше, чем люди решали, куда им идти.

Телефон на руле коротко звякнул.

До закрытия заказа оставалось восемь минут сорок секунд.

— Вижу, — сказал Никита таймеру.

Таймер не поверил и продолжил отсчёт.

В сумке за спиной лежали два бумажных пакета из даркстора: лапша, салат, минеральная вода и средство от пятен. Обычный вечерний заказ, каких у него сегодня было девятнадцать. Двадцатый ждал в «Маяке-12» — жилом комплексе, куда алгоритм возвращал Никиту почти каждую смену. Он знал там длинный въезд, в котором ветер всегда бил навстречу, жёлтые полосы на пандусе и охранника, способного проверять пропуск дольше, чем готовили лапшу.

Над правой ключицей горела красная точка нагрудной камеры.

Камеру Никита купил сам после случая на Речной, когда клиент заявил, будто не получил пакет. Служба поддержки попросила фотографию двери, фотография ничего не доказала, а стоимость заказа вычли из премии. Теперь маленькая чёрная коробочка включалась в начале смены и писала всё, что оказывалось перед грудью: дорогу, руки, пакеты, чужие коврики. Каждые несколько минут запись складывалась в отдельный фрагмент. Когда память заполнялась, самые старые файлы исчезали. Семьдесят два часа — если аккумулятор не садился раньше.

Компания камеру не выдавала и к ней доступа не имела. В приложении была только цепочка служебных отметок: принял, забрал, прибыл, передал. Между отметками оставалась жизнь, которая никого не интересовала, пока кто-нибудь не говорил, что пакет исчез.

На перекрёстке загорелся красный. Никита встал между фургоном и бордюром, наклонился к телефону и нажал «Прибыл» раньше, чем увидел ворота комплекса.

Так делали все. Геометка ловилась через раз, таймер продолжал идти, а опоздание считалось настоящим независимо от того, существовала ли причина. Приложение приняло отметку. На экране появилась инструкция: «Подъезд Б, квартира 174. Передать лично».

Имя получателя — Дарья.

Свет сменился. Никита оттолкнулся и свернул к «Маяку-12».

Комплекс состоял из трёх башен, соединённых стеклянным стилобатом. Днём стекло отражало небо и стройку напротив, ночью — только собственные коридоры. Издали казалось, будто внизу здания стоят освещённые аквариумы, где медленно проплывают жильцы, охранники и уборочные машины.

У въезда шлагбаум был поднят, но калитка для пешеходов не открылась с первого раза. Никита приложил экран телефона к считывателю. Замок щёлкнул, створка подалась на ладонь и застряла сантиметрах в двадцати от рамы.

— Сильнее, — донеслось из будки.

Никита толкнул плечом. Камера на груди уткнулась в край его шарфа и на секунду увидела только серую ткань. Калитка неохотно пропустила его внутрь, потом захлопнулась с металлическим визгом.

В будке сидел незнакомый мужчина в тёмно-серой форме. Не тот полный ночной охранник, который обычно листал новости, и не дневная женщина с короткой стрижкой. Этот был

лет сорока, сухой, с выбритыми висками. На груди — прямоугольник липучки, но нашивки с фамилией не было. Он стоял, опершись ладонью о стол, и смотрел не на Никиту, а на сумку.

— Куда?

— Башня Б, сто семьдесят четыре.

— Заказ покажите.

Никита повернул телефон. Мужчина прочитал адрес, хотя на маленьком экране сверху уже ползло уведомление о новом предложении. Никита успел увидеть только «нижний въезд» и серую кнопку отказа.

— Через центральный холл, — сказал охранник. — Велосипед здесь оставляйте.

— Я всегда у стойки ставлю.

— Сегодня здесь.

Таймер показывал пять минут двенадцать секунд. Никита пристегнул велосипед к ограде коротким тросом. Это заняло полминуты и испортило настроение сильнее, чем должно было. Он не любил, когда знакомый маршрут менялся по чужой прихоти: тело уже знало последовательность поворотов, и любое новое действие приходилось выполнять головой.

— Калитка у вас заедает, — сказал он.

— Она фиксируется.

— Посередине прохода?

Мужчина перевёл взгляд на красную точку камеры.

— Съёмка у нас запрещена.

— В холле?

— На частной территории.

Никита не стал спорить. Формально камера была включена для служебной безопасности. Формально жилец мог попросить не снимать у двери. Формальности редко переживали таймер.

Он развернул её на креплении вниз. Теперь в кадр попадали молния куртки, руки и пол примерно в метре впереди, но не лица. Красная точка осталась гореть.

— Так нормально?

Охранник ничего не ответил.

В стеклянном холле пахло мокрой резиной и ванильным освежителем. За стойкой никого не было. На диване лежал свёрнутый жёлтый дождевик — длинный, с чёрной застёжкой у горла. Рядом стоял бумажный стаканчик с крышкой. Никита прошёл мимо, нажал кнопку лифта и увидел в зеркальной панели женщину в таком же ярком плаще. Она шла с улицы, придерживая капюшон, но, заметив закрывающиеся двери, не ускорила.

Никита сунул руку между створками.

— Едете?

Женщина качнула головой. Лица под капюшоном он почти не разглядел: свет из холла лёг на подбородок, выше была тень. В правой руке она держала плоскую папку или ноутбук в тёмном чехле.

— Закрывайте, — сказала она. — Я вниз.

Створки сошлись.

На панели не было кнопки семнадцатого этажа. Квартира 174 находилась на шестнадцатом — Никита помнил это по прошлой доставке, — и он нажал «16». Лифт тронулся так плавно, что движение выдавали только меняющиеся цифры.

3.

4.

5.

Телефон завибрировал. На экране снова возникло предложение: забрать заказ у нижнего выезда через девять минут. Никита нажал «Пропустить». Система предупредила, что серия принятых заказов прервётся. Он нажал ещё раз.

Когда поднял глаза, табло показывало 12.

Потом цифра мигнула, погасла и появилась снова — 9.

Никита моргнул. В ушах ещё жило ощущение подъёма, но лифт будто успел опуститься на три этажа без толчка. Он посмотрел на ряд кнопок. «16» горела. Под подошвами едва заметно дрожал пол.

— Отлично, — сказал Никита.

Табло перескочило на 14, затем на 15. На шестнадцатом двери открылись в обычный коридор с бежевыми стенами. У дальней стены стояла тележка уборщицы, пустая, с ведром мутной воды. Никита вышел и машинально оглянулся. Над дверями горело «16».

Телефон показывал две минуты пятьдесят восемь секунд.

Квартира 174 была в конце коридора. На двери висел деревянный круг с выжженной птицей, под ним — маленькая металлическая цифра, у которой отклеился край. Никита поднял камеру так, чтобы в кадре оказался пакет и нижняя половина двери, позвонил и отступил на шаг.

За дверью что-то ударилось о пол. Потом послышался женский голос:

— Кто?

— Доставка. Дарья?

Замок повернулся не сразу. Сначала щёлкнул один, затем второй, потом дверь открылась на ширину цепочки.

Женщине было около тридцати пяти. Тёмные волосы собраны кое-как, на переносице след от очков, хотя самих очков не было. Она посмотрела на Никиту, на камеру и снова на Никиту.

— Я просила оставить у двери.

— В заказе стоит «передать лично».

— Я точно выбрала у двери.

Никита показал экран. Дарья прищурилась, будто сообщение было написано слишком мелко, хотя строка занимала половину дисплея.

— Ладно. Подождите.

Она закрыла дверь, сняла цепочку и открыла шире. Из квартиры тянуло холодом, бумагой и чем-то цитрусовым. На полу за её ногами стояли три коробки для документов. У одной не сходилась крышка; наружу торчали прозрачные файлы с таблицами. На ближайшем листе Никита успел увидеть столбец красных сумм и слово «возражение», напечатанное крупными буквами.

Дарья заметила его взгляд и ногой подвинула коробку за дверь.

— Сколько?

— Уже оплачено.

— Я про пакеты.

Никита снял сумку, расстегнул клапан и сверился с приложением.

— Два.

— Должен быть один.

— Тут четыре позиции в одном и две в другом. Пломбы ваши, номер совпадает.

Он поставил пакеты на коврик так, чтобы камера видела наклейки. Дарья присела, проверила номер на первом, потом на втором. Её пальцы дрожали, едва заметно, но не от тяжести. Из квартиры донёсся короткий электронный сигнал.

Дарья выпрямилась слишком быстро.

— Всё правильно.

В конце коридора открылась дверь лифта.

Никита обернулся. Из кабины вышел тот самый мужчина в форме охраны. Здесь, под белым потолочным светом, форма казалась почти чёрной. Мужчина не посмотрел в их сто-

рону. Подошёл к пожарному шкафу возле тележки, достал из кармана ключ и открыл узкую соседнюю дверцу без обозначения.

— У вас на этажах теперь дежурят? — спросил Никита.

Дарья схватила верхний пакет.

— Вы отметили доставку?

— Сейчас.

— Отметьте при мне.

Никита нажал «Передал». Таймер исчез. На его месте появилась зелёная галочка и время: 22:14.

Дарья смотрела не на экран, а через его плечо. Мужчина у служебной дверцы уже повернул голову. Они встретились взглядами. Он не сделал ни шага, но Дарья быстро втянула второй пакет внутрь.

— Хорошего вечера, — сказал Никита.

— У вас запись долго хранится?

Вопрос прозвучал, когда дверь уже начала закрываться.

Никита придержал её ладонью, не давая ударить по пакету.

— Три дня. А что?

— Ничего. Если жалоба будет, вы ведь можете доказать время?

— В приложении оно и так есть.

— Приложение — не вы.

Она сказала это негромко, почти без выражения. Потом отступила, и Никита убрал руку. Дверь пошла за ней, но остановилась, не дойдя до коробки сантиметра три. Дарья потянула сильнее. Замок не совпал с пазом. Она приподняла ручку, толкнула плечом — только тогда язычок вошёл и дверь закрылась.

Никита услышал два оборота замка.

— Там доводчик просел, — сказал мужчина в форме.

Он стоял теперь возле тележки. Служебная дверца за ним была закрыта.

— Внизу калитка, здесь дверь, — ответил Никита. — У вас всё фиксируется через усилие?

Мужчина улыбнулся одними губами.

— Работаем по заявкам.

— Фамилию вашу в заявку вписать?

Улыбка исчезла.

— Вы доставку закончили. Выход там.

Никита направился к лифту. Камеру он не опустил. Красная точка горела, и мужчина проводил её взглядом.

В кабине Никита нажал первый этаж. Двери закрылись, табло показало 16, потом 15. Он открыл следующий заказ, чтобы понять, успеет ли до закрытия даркстора. Предложение у нижнего выезда исчезло. Вместо него система дала аптеку на Широкой, в двух километрах отсюда.

Лифт остановился.

Никита шагнул вперёд и едва не врезался в стену.

Двери открылись не в холл, а в короткий коридор с серой плиткой. Слева висела табличка «Технические помещения», справа была металлическая дверь с горизонтальной полосой света под порогом. Над кабиной табло показывало 1.

— Нет, — сказал Никита и нажал кнопку закрытия.

Створки не двигались. Он нажал ещё раз. Где-то за металлической дверью прокатили тележку; колёса стукнули о стык плитки. Потом кабина дёрнулась, створки закрылись и почти сразу открылись снова — теперь в знакомый стеклянный холл.

На табло всё ещё горела единица.

Жёлтого дождевика на диване не было. Женщина, отказавшаяся ехать вверх, тоже исчезла. Стаканчик остался, но стоял теперь на стойке охраны. Рядом с ним лежала связка ключей.

Никита посмотрел в сторону будки у калитки. Мужчины там не было.

Входная створка снова застряла. Пришлось просунуться боком и протащить сумку отдельно. Замок за спиной щёлкнул только после того, как Никита отступил на пару шагов.

Велосипед ждал у ограды. На седле блестели капли, хотя дождь закончился час назад. Никита отстегнул трос, проверил камеру и увидел, что индикатор записи мигает красным. Так она предупреждала о почти разряженном аккумуляторе.

— Ещё два заказа, — пообещал он ей.

Телефон показал, что до аптеки нужно ехать семь минут. Никита сел на велосипед и тронулся. Через стекло холла он заметил движение: женщина в жёлтом плаще шла от лифтов к стойке, хотя минуту назад холл был пуст. За ней появился мужчина в форме. Он что-то сказал, женщина остановилась.

Никита проехал мимо. Через двадцать метров оглянулся, но стекло уже отражало только красный огонь его заднего фонаря.

К половине первого он отвёз аптечный заказ и ещё два продуктовых. Камера погасла на мосту, когда заряд кончился окончательно. Никита снял её, сунул в боковой карман сумки и больше о «Маяке-12» не думал.

Дома он поставил аккумуляторы телефона и камеры на одну двойную зарядку. Камере достался короткий кабель, который отходил, если задеть стол. Никита проверил красный огонёк, разогрел в микроволновке гречку и заснул на диване раньше, чем закончилась реклама перед ночным выпуском.

Ему снился лифт.

Цифры над дверью менялись, а кабина стояла. На каждом этаже открывался один и тот же коридор. У квартиры 174 лежал жёлтый дождевик, и всякий раз, когда Никита наклонялся его поднять, таймер обнулялся.

Проснулся он от звонка.

За окном было серое утро. Телефон вибрировал на столе, натягивая кабель. На экране высвечивалось «Алина».

— Ты время видела? — спросил Никита вместо приветствия.

— Девять двадцать.

— Вот именно.

— Ты вчера был в «Маяке»?

Он сел. Шея болела от диванной подушки. На столе камера лежала тёмная: кабель выпал из гнезда, зарядиться она не успела.

— Я там каждый день бываю.

— В башне Б?

— Наверное. Что случилось?

На другом конце стало тихо. Алина обычно отвечала сразу, даже если не знала ответа. Паузы она считала попыткой манипулировать.

— У нас в чате сообщение, — сказала она. — И полиция внизу. Ищут Дарью Веденину.

Никита провёл ладонью по лицу.

— Какую Дарью?

— Из сто семьдесят четвёртой. Ты её знаешь?

На секунду он увидел не женщину у двери, а зелёную галочку на экране. 22:14. Два пакета. Коробки с документами. Мужчина возле служебной дверцы.

— Вчера заказ отдал.

— Ей?

— Лично.

— Никит, она после десяти никому не отвечала. Соседка утром увидела, что дверь не заперта. Полиция спрашивает, кто приходил.

Он посмотрел на камеру. Тёмный квадрат пластика ничем не отличался от выключенного.

— Дверь у неё плохо закрывается, — сказал он.

— Что?

— Заедает. Её надо приподнять и толкнуть. Это не значит, что она оставила открытой.

Алина выдохнула в трубку.

— Я не говорю, что значит. Я говорю, что её нет.

Никита вспомнил вопрос Дарьи: «У вас запись долго хранится?» Три дня, ответил он. Тогда это прозвучало как забота о жалобе. Теперь слова изменили вес, хотя сами остались теми же.

На экране появилось второе входящее — незнакомый городской номер.

— Мне звонят, — сказал Никита.

— Не удаляй ничего.

— Я и не собирался.

— Ты всегда собираешься не вмешиваться.

Она отключилась прежде, чем он нашёл ответ.

Незнакомый номер продолжал звонить. Никита взял камеру, надавил на кнопку питания. Индикатор мигнул один раз и погас: заряда не хватало даже на запуск.

Он подключил кабель и придержал штекер пальцем. Красная точка зажглась. Телефон замолчал, тут же завибрировал снова.

За окном двор заполнялся людьми, которые спешили по своим обычным маршрутам. Никита смотрел на маленький огонь камеры и впервые считал не минуты до следующего заказа, а часы, которые оставались у вчерашнего вечера.

Шестьдесят два.

Если камера действительно писала всю дорогу до моста.

Если ткань шарфа не закрыла объектив.

Если он правильно помнил этаж.

Никита ответил на звонок.

— Орлов? — спросил незнакомый женский голос. — Следователь Рощина. Нам нужно поговорить о вашей доставке в жилой комплекс «Маяк-12».

Глава 2. Семьдесят два часа

— Вы дома? — спросила Рощина.

Никита посмотрел на камеру, которую всё ещё приходилось придерживать за штекер.

— Пока да.

— Тогда ничего с записью не делайте. Не просматривайте, не пересылайте и не пытайтесь улучшить. Я буду через сорок минут.

— Через сорок минут от неё останется на сорок минут меньше.

В трубке возникла короткая пауза.

— Объясните.

— Камера пишет по кругу. Старое стирается новым. Трое суток, если аккумулятор не садился раньше.

— Она сейчас пишет?

Никита повернул объектив к стене. Красный огонёк горел ровно.

— Уже да.

— Выключите её. Саму карту не вынимайте. Адрес я знаю.

— Откуда?

— Из вашего договора с сервисом. Согласие на передачу контактов по запросу там тоже есть, но договор мы обсудим отдельно. Выключите камеру, господин Орлов.

Он нажал кнопку. Красная точка погасла.

Квартира сразу стала меньше. На диване лежала смятая куртка, на столе — вчерашняя миска с засохшей гречкой, возле двери теснились две пары кроссовок. Всё это секунду назад могло попасть в кадр, а теперь снова принадлежало только ему.

Никита выдернул кабель.

— Вы меня в чём-то подозреваете?

— Я прошу сохранить возможную запись. Не добавляйте к этому смысл, которого я не произносила.

— Дарью нашли?

— Нет.

— Кровь? Следы борьбы?

— По телефону я это не обсуждаю.

— Значит, есть что обсуждать.

— Значит, через сорок минут я задам вопросы, а вы ответите. Камера выключена?

— Да.

— До встречи.

Никита положил телефон рядом с камерой. Два чёрных прямоугольника на столе выглядели так, словно заранее договорились молчать.

Он прошёл в ванную, плеснул в лицо холодной водой, но бриться не стал. Рощина сказала сорок минут; незнакомые люди всегда называли время так, будто оно принадлежало им. Никита оделся, убрал миску, поднял куртку с дивана и вдруг остановился с ней в руках. В нагрудном кармане лежал запасной аккумулятор камеры — разряженный, лёгкий. Вчера он менял батарею перед вечерней сменой или позавчера?

В памяти всплыл даркстор: белая лампа, ящик с проводами, Вера у диспетчерского экрана. Он защёлкивает крышку камеры. Или это было в четверг. Одинаковые действия охотно выдавали себя за воспоминания.

Никита открыл приложение курьера. История пятницы была на месте: пятнадцать заказов, башня Б в 22:14, потом аптека, два продуктовых. Рядом с каждым — время события и сумма. Ни пути между точками, ни того, сколько он стоял у лифта, ни куда смотрел.

Он сделал снимок экрана и сразу пожалел. Рощина велела ничего не пересылать, но о снимке не говорила. Именно так человек за минуту превращал ясное указание в набор удобных лазеек.

Никита удалил снимок из галереи, затем из корзины. После этого пожалел ещё сильнее: теперь он не сохранил данные, а совершил два удаления перед приездом следователя.

Звонок в дверь раздался через двадцать семь минут.

На площадке стояли женщина в сером плаще и молодой мужчина с плоским пластиковым кейсом. Женщина показала удостоверение быстро, но Никита успел прочитать фамилию.

— Инга Сергеевна Рощина. Следователь. Это специалист Крылов. Можно войти?

— А если нельзя?

— Поговорим здесь. Камеру вы можете передать добровольно, либо я оформлю дальнейшие действия в установленном порядке. Сейчас для всех быстрее и бережнее первый вариант.

Никита отступил.

Крылов остановился у порога и натянул тонкие перчатки. Рощина перчаток не надела. Ей было около сорока; волосы собраны низко, на левой щеке почти исчезнувший след от подушки. Значит, подняли рано, подумал Никита, и тут же поймал себя на привычке достраивать чужую ночь по одной отметине.

— Где устройство? — спросил Крылов.

Никита указал на стол.

— Вы включали его после нашего разговора?

— До разговора. Чтобы проверить заряд. Потом выключил.

— Просматривали архив?

— Нет.

— Подключали к компьютеру?

— У меня его нет.

Крылов сфотографировал камеру рядом с линейкой и бумажной карточкой, записал номер корпуса, затем спросил разрешения осмотреть разъёмы. Каждое действие он называл заранее. От этой осторожности Никите стало тревожнее, чем от любого приказа.

Рощина села на край стула.

— Расскажите о вчерашней доставке с момента, когда получили заказ.

— Это надолго.

— Запись всё равно не заменит ваш рассказ.

Никита начал с двух пакетов. Потом вернулся к отметке «Прибыл», поставленной у перекрёстка. Рассказал про заевшую калитку, мужчину без нашивки, жёлтый дождевик на диване и женщину у лифта. На последовательности цифр Рощина подняла глаза.

— Двенадцать, потом девять, потом четырнадцать?

— Да.

— Лифт опускался?

— По ощущениям — нет. Но я смотрел в телефон.

— То есть вы видели цифры, а направление определяете по ощущению.

— Я каждый день езжу в лифтах.

— Это не ответ на мой вопрос.

Никита сжал ладони между коленями.

— Направление я определяю по ощущению.

Она кивнула и записала. Не «поверила», не «усомнилась» — просто отделила то, что он видел, от того, что решил.

У двери Дарьи он помнил больше: деревянный круг с птицей, коробки, слово «возражение», дрожащие пальцы, сигнал из квартиры. Рощина несколько раз возвращала его к порядку действий.

— Сначала она проверила пакеты или сначала вышел охранник?

— Она присела к пакетам. Потом сигнал. Потом лифт открылся.

— Вы видели, откуда вышел мужчина?

— Из лифта.

— Вы видели его внутри кабины до того, как он шагнул в коридор?

Никита закрыл глаза. Белые створки, чёрная форма, тележка у стены.

— Нет. Я обернулся на звук и увидел его уже снаружи.

— Тогда так и скажем: после открытия лифта вы увидели мужчину возле кабины.

— Какая разница?

— Пока небольшая. Позже может стать решающей.

Крылов поставил на стол старый серебристый ноутбук и устройство для чтения карт. Камеру он не включал. Сначала снял крышку, извлёк карту памяти и запечатлел её с двух сторон.

— Там личные записи, — сказал Никита.

— Поэтому копия не должна гулять по телефонам и чатам, — ответила Рощина. — На ней могут быть лица жильцов, номера квартир, разговоры у дверей, дети, медицинские товары, банковские уведомления на экранах. Даже если съёмка велась для вашей безопасности, это не превращает чужую жизнь в общий доступ.

— А в доказательство превращает?

— Иногда. Но не всё, что записано рядом с событием, относится к событию. И не всё относящееся можно публиковать. Нам нужна сохранность исходника, понятная история копирования и возможность проверить время. Вам — не делать из подозрения публичное обвинение.

— Я никого не обвинял.

— Пока нет.

Никита вспомнил мужчину без нашивки и промолчал.

Крылов вставил карту в считыватель с маленьким переключателем на боку.

— Защита от записи, — пояснил он. — Сначала создаём копию содержимого и считаем контрольные значения. Оригинал не меняем.

— Сколько это займёт?

— Карта небольшая. Если исправна — минут двадцать.

На экране появилась полоса. Под ней быстро менялись числа. Никита различил список папок: даты, внутри короткие файлы с последовательными номерами. Камера резала смену на отрезки по несколько минут. Когда место заканчивалось, самые старые исчезали первыми.

— Сейчас утро субботы, — сказал Крылов. — Пятничный вечер должен быть далеко от края перезаписи.

— Должен быть?

— Если настройки соответствуют вашим словам и карта заполнена штатно.

— Она погасла ночью.

— Это влияет на конец записи, не на уже созданные файлы.

Рощина попросила Никиту продолжить. Он рассказал про вопрос Дарьи о сроке хранения, заевшую дверь и мужчину у служебной дверцы. Про технический коридор на первом этаже. Про исчезнувший дождевик и женщину, которую он увидел через стекло уже с улицы.

— Это была та же женщина? — спросила Рощина.

— Тот же плащ.

— Я спросила о женщине.

— Лица я не видел ни в первый, ни во второй раз.

— Значит, вы дважды видели жёлтый плащ и фигуру примерно одного сложения.

— Вы умеете делать воспоминания бесполезными.

— Я стараюсь сделать их точными.

Полоса копирования остановилась на восьмидесяти трёх процентах.

Крылов наклонился к экрану. Через несколько секунд нажал одну клавишу, потом другую.

— Что? — спросила Рощина.

— Ошибка чтения в одном диапазоне. Повторяю.

Вторая попытка дошла до того же места и замерла.

— Карта повреждена? — спросил Никита.

— У неё есть нечитаемый участок. Причин много: износ, обрыв питания во время записи, дефект памяти. Пока никаких выводов.

— Можно пропустить?

— Можно снять всё доступное, отдельно зафиксировав ошибку. Это будет неполная копия, а не видимость целой.

Крылов запустил другой режим. Теперь на экране возникали строки: прочитано, ошибка, заполнение нулями, следующий блок. Никита смотрел, как его пятница превращается в проценты.

Рощина положила перед ним лист.

— Добровольная передача устройства и карты для копирования и осмотра. Читайте, не торопитесь.

— Вы уже копируете.

Крылов убрал руки от клавиатуры.

— Могу остановиться.

Никита прочитал дважды. В листе были номер камеры, объём карты, время начала действий и оговорка о том, что устройство содержит записи третьих лиц. Срок возвращения не был указан.

— Камера мне нужна для работы.

— Корпус вернём после первичного осмотра, если не возникнет оснований удерживать его дольше, — сказала Рощина. — Карту пока оставим опечатанной. Сегодня можете купить другую?

— Могу. Кто возместит?

— Сохраните чек и подайте заявление о расходах. Я не обещаю решение за человека, который будет его принимать.

Он подписал. Рощина поставила время рядом с его подписью.

— А если я откажусь от части записей? — спросил Никита. — Например, там человек просил камеру опустить.

— Вы можете сообщить об этом и объяснить обстоятельства. Самостоятельно вырезать фрагмент из исходника после того, как узнали о расследовании, — плохая идея и для проверки записи, и для вас. Частную сцену можно ограничить при ознакомлении или дальнейшем использовании. Исходник при этом должен остаться проверяемым.

— То есть вы увидите всё.

— Специалист технически увидит доступные файлы. В материалы должны попасть те фрагменты, которые имеют значение. Остальное не становится разрешённым к разглашению только потому, что оказалось на носителе.

Никита посмотрел на камеру. Вчера она казалась его свидетелем. Теперь выяснялось, что свидетель болтлив и не умеет отличать нужное от чужого.

Копирование закончилось с предупреждением. Крылов сохранил отчёт, записал длинные строки цифр на отдельный носитель и только после этого открыл каталог копии.

— Время камеры могло отличаться от времени телефона, — сказал он. — Сначала найдём устойчивую привязку. Вы помните момент, который точно проверяется независимо?

— Отметка доставки — 22:14.

— Это время сервиса. В кадре был экран с галочкой?

— Я показывал его Дарье. Камера смотрела на дверь и пакеты. Может, экран попал краем.

Они нашли конец пятничной смены по последнему файлу перед разрядом. На записи дрожал асфальт, мелькало переднее колесо велосипеда, красный свет светофора расплывался в мокрой дороге. Звука почти не было из-за ветра. Потом изображение качнулось, застыло и оборвалось.

— Мост, — сказал Никита. — После аптеки и двух заказов.

Крылов не стал воспроизводить файлы подряд. Он вывел таблицу: имя, размер, время создания, длительность. Несколько отметок шли ровно, затем появлялись разрывы на секунду или две — обычные промежутки между файлами. Возле десяти вечера последовательность ломалась сильнее.

— Вот, — сказал Никита, заметив миниатюру с кирпичной стеной даркстора. — Оттуда я выехал к «Маяку».

Файл открылся. Никита увидел собственные руки: затягивает перчатку, принимает два пакета, проводит пальцем по экрану. Диспетчерский голос за кадром назвал последние четыре цифры заказа. Потом лестница, двор, руль.

Следующий файл начинался у перекрёстка. В кадре был светофор и нижняя часть телефона. Никита нажимал «Прибыл».

— Значит, время сервиса можно сопоставить с часами камеры, — сказал Крылов.

Разница составляла одну минуту и девятнадцать секунд. Камера спешила.

Дальше шла дорога к комплексу. Никита заранее узнал ограду, мокрую плитку, белый свет будки. Мужчина в форме появился сбоку — без лица, только рукав и ладонь, поднятая перед объективом.

«Съёмка у нас запрещена».

На записи голос звучал моложе, чем Никита запомнил.

Он поворачивал камеру вниз. Кадр заполняли молния куртки и серый пол. Слышались шаги, сигнал лифта, его собственное «Едете?», женское «Я вниз». Затем гул кабины.

— Сейчас будет табло, — сказал Никита.

Объектив смотрел вниз.

— Вы же его опустили, — напомнила Рощина.

— В лифте поднял. Точно поднял.

На экране по-прежнему были его руки и край сумки. Телефон завибрировал. Никита дважды коснулся экрана, отказываясь от заказа. Потом файл закончился.

Крылов щёлкнул по следующему.

Система ответила коротким сообщением об ошибке.

Он попробовал открыть файл в другом проигрывателе. Потом посмотрел его свойства. Имя стояло правильное, размер — ноль.

Следующий фрагмент начинался уже на улице. В кадре блестело седло велосипеда. Никита отстёгивал трос.

— Нет, — сказал он.

Крылов вернулся к таблице.

Между записью в лифте и велосипедом было двадцать одна минута сорок три секунды по часам камеры. Внутри диапазона значился один пустой файл и несколько отсутствующих номеров. Не было коридора шестнадцатого этажа, Дарьи, пакетов, мужчины у служебной двери, технического прохода и холла.

— Это тот нечитаемый участок? — спросила Рощина.

— Похоже, он приходится сюда. Но отсутствующие номера — отдельный вопрос. Они могли не создаться, могли потеряться из таблицы файлов, могли стать недоступны после сбоя. Нужен анализ образа и самой карты.

— Камера не выключалась, — сказал Никита.

— Вы проверяли индикатор? — спросила Рощина.

— У двери он горел. Мужчина на него смотрел.

— Вы это помните.

— Я видел красную точку.

— Хорошо. Так и запишем.

Никита встал, задел коленом стол. Камера качнулась, но Крылов удержал её ладонью.

— Там была Дарья. Она спросила про хранение. Я показал галочку. Дверь заела. Это не двадцать минут, которые можно перепутать с другой пятницей.

— Я не говорю, что вы перепутали всё, — сказала Рощина.

— А что вы говорите?

— Что в доступной копии сейчас нет фрагмента, который вы описываете. Причину мы не знаем.

— Его удалили.

Крылов покачал головой.

— Пока мы знаем только о повреждении и нарушенной последовательности. Удаление — одна из версий, не факт. Удалённо эту модель не чистят, если она штатная и без переделок. Но карта могла дать сбой, питание могло пропасть, файл мог не закрыться.

— Питание не пропадало. Она писала потом, на улице.

— Камера могла перезапуститься.

Никита хотел возразить и вспомнил, как индикатор мигал у велосипеда. Он принял мигание за низкий заряд. Мог ли тот же сигнал означать перезапуск? Инструкцию он читал год назад, по диагонали.

Рощина посмотрела на часы.

— До выяснения не обсуждайте содержание записи в домовом чате, с жильцами и коллегами. Особенно отсутствующий фрагмент. Если человек, связанный с исчезновением, не знает, что именно сохранилось, это полезнее нам и безопаснее вам.

— А Алине?

— Почему вы спрашиваете именно о ней?

— Она живёт в соседней башне. Она позвонила первой.

— Скажите, что передали запись полиции. Без подробностей.

— Это просьба или запрет?

— Просьба, основанная на риске помешать проверке. Формальные обязанности я обозначаю отдельно, если они возникнут.

Никита сел обратно.

— Вы всё время оставляете себе запас.

— Потому что точность важнее уверенного тона.

Крылов упаковал карту в прозрачный пакет, заклеил полосой с номером и попросил Никиту расписаться поперёк края. Корпус камеры положил отдельно.

— Мне вернут хотя бы копию моих маршрутов?

— Не сейчас, — сказала Рощина. — Сначала мы отделим относящееся к проверке. Если вам нужны служебные подтверждения для работы, запросите их у сервиса. Не требуйте общую выгрузку клиентов и не просите коллег лезть в чужие заказы.

— Я похож на человека, которому дадут общую выгрузку?

— Люди охотнее нарушают правила, когда называют это помощью.

У двери она остановилась.

— Вспомните точный порядок файлов после отметки «Прибыл». Не содержание сцен, а внешние опоры: звонки, вибрации, автоматические сигналы, начало и конец фрагментов. Запишите на бумаге, не сверяясь с чужими рассказами.

— Зачем?

— Если повреждение случайное, границы подскажут механизм. Если нет — покажут, что именно исчезло. И ещё: не пытайтесь доказать себе, что память лучше камеры. Они ошибаются по-разному.

Дверь закрылась. Никита услышал, как лифт пришёл на этаж и почти сразу уехал.

Он вернулся к столу. На светлом прямоугольнике пыли, где лежала камера, остался отпечаток крепления. Красной точки не было, но Никита всё равно повернул стул так, чтобы не сидеть к ней лицом.

Телефон показывал три пропущенных от Алины и сообщение от диспетчера: «Ты выходишь в смену? Камера обязательна».

Никита ответил диспетчеру, что оборудование забрала полиция и он купит новую карту. Потом открыл диалог с Алиной.

«Запись передал следователю. Деталей пока не говорю».

Она набрала ответ сразу: «Там видно Дарью?»

Никита положил телефон экраном вниз.

На листе из старой тетради он написал: «22:14 — зелёная галочка». Ниже: «два пакета», «сигнал из квартиры», «лифт открылся», «служебная дверца», «дверь поднять и толкнуть». Потом вспомнил последовательность на спуске: шестнадцать, пятнадцать, остановка, технический коридор, холл. После холла — велосипед, мигающий индикатор.

Между лифтом и велосипедом камера насчитала почти двадцать две минуты. По ощущению Никиты всё внутри здания заняло не больше десяти.

Он открыл историю приложения и выписал времена событий. «Прибыл» стояло в 22:06. «Передал» — в 22:14. Следующий заказ был принят в 22:19, уже после выхода из комплекса. Восемь минут между перекрёстком и дверью. Пять — от двери до нового заказа. Всего тринадцать.

Камера утверждала, что между последним целым файлом в лифте и велосипедом прошло почти двадцать две минуты. Даже с минутой девятнадцатью секундами расхождения это не сходилась.

Никита провёл линию между двумя столбцами.

Приложение не знало, где он находился между нажатиями. Камера не показывала, что происходило между файлами. Память заполняла обе пустоты одним гладким маршрутом.

Он снова взял телефон, но не стал звонить Рощиной. Она просила порядок и внешние опоры. Значит, сначала нужно было проверить не лица и не догадки, а номера файлов, служебные отметки и часы каждого устройства.

Никита подписал над столбцами: «что сделал», «что записалось», «когда отметилось».

Внизу страницы осталось место для четвёртого: «кто мог это подтвердить».

Он пока оставил его пустым.

Глава 3. Чужой пакет

Утром Никита обнаружил, что порядок событий зависит от того, чем их измерять.

На листе из старой тетради всё выглядело просто. В 22:06 он нажал «Прибыл». В 22:14 — «Передал». В 22:19 принял следующий заказ. Между первой и последней отметками помешалось тринадцать минут. Камера отводила тому же отрезку почти двадцать две.

Он провёл ещё одну линию, подписал её «часы камеры» и расставил номера целых файлов. После записи из лифта шёл пустой файл, потом в последовательности не хватало четырёх номеров, затем начиналась улица и его руки на велосипедном тросе. Если верить нумерации, устройство несколько раз пыталось что-то создать. Если верить содержимому, не создало ничего полезного.

Никита перевернул лист. На обратной стороне проступали вчерашние слова: «кто мог это подтвердить». Этот столбец оставался пустым.

Телефон завибрировал. Алина снова спрашивала, видно ли на записи Дарью. Никита написал: «Полиция разбирается. Сам файл не смотрю». Это было почти правдой. Исходной карты у него не было, а копию Крылов не оставил. Зато у Никиты сохранилась история заказов — та часть собственной работы, которую приложение позволяло открыть без запроса к чужим данным.

Он пролистал пятницу до доставки в «Маяк-12». Два пакета значились одной строкой: общий вес два килограмма восемьсот граммов, выдача через ячейку 41, передача получателю. Состав скрывался после закрытия заказа; вместо товаров оставались категория и сумма. «Бытовые принадлежности». Дарья, открыв дверь, спросила, почему пакетов два. Тогда Никита решил, что в дарксторе разделили заказ из-за размера.

Теперь он увеличил электронный чек. Под общей строкой стояли два коротких кода упаковки. Первый оканчивался на 7К. Второй — на 4М.

Никита посмотрел на бумажный лист. Камера не сохранила дверь Дарьи, но до лифта успела снять оба пакета. Возможно, номер на одном попадал в кадр.

Он не стал просить запись у Рожиной. Она ясно сказала: сначала внешние опоры, не попытка доказать, что память лучше камеры. Служебные коды были как раз такой опорой.

В приложении имелась кнопка «Проблема с завершённым заказом». Никита выбрал «упаковка», затем «неверное количество». Появился чат поддержки.

«Укажите причину обращения».

Он написал, что по закрытому заказу отображаются два пакета и ему требуется подтвердить номера упаковок для объяснительной. Через минуту бот предложил список бесполезных ответов. Никита трижды нажал «Вопрос не решён» и получил обещание подключить оператора в течение суток.

Сутки у него были. Но терпения — нет.

Он позвонил Севе Лисицыну.

Сева работал в дарксторе дольше большинства курьеров и меньше всех походил на человека, которому нравилось это слово. Он называл помещение складом, сборщиков — сборщиками, а любые «умные решения» — таблицами, которые кто-то спрятал от тех, кому они нужны. Официально он отвечал за качество сменных данных. Неофициально знал, почему приложение в дождь назначало велосипедисту пять бутылей воды, а водителю — пакет салфеток.

— Если ты опять про штраф за опоздание, — сказал Сева, — у меня нет права его снимать.

— Не про штраф. Мне надо понять, существовал ли код упаковки.

— Код у тебя есть?

— Два последних знака.

— Тогда у тебя нет кода.

Никита объяснил про два пакета, не называя Дарью и не пересказывая исчезнувшую запись. Сева молчал достаточно долго, чтобы стало слышно, как на складе за его спиной пищит сканер.

— Номер заказа скажешь?

— Ты можешь его смотреть?

— Свои сменные события могу. Карточку клиента — нет. Адрес мне тоже не нужен. Если заказ собирался у нас и попал в отчёт расхождений, увижу статус упаковки. Если не попал — отправлю тебя в поддержку.

Никита продиктовал служебный номер.

— Погоди. И ничего мне не пересылай из приложения.

Сева отключил микрофон. Никита слышал только далёкие удары пластиковых ящиков. На кухонном столе лежала камера без карты, похожая на пустой футляр для доказательства. Он убрал её в ящик.

— Заказ закрыт без претензии, — сказал Сева. — Выдано два места. Коды заканчиваются так, как ты назвал. Вес совпал на выдаче с допуском.

— Значит, оба были Дарьины?

— Я сказал другое. Два места выдали тебе под одним заданием. Кому они принадлежали — вопрос не моей таблицы.

— Можно узнать, кто наклеил этикетки?

— Можно узнать смену и терминал. Имя сборщика тебе не дам. И не потому, что вредный. У тебя сейчас нет основания собирать людей вокруг чужого заказа.

Рощина говорила почти теми же словами. Никиту это раздражало сильнее, чем отказ.

— А номер упаковки может повториться?

— Полный — не должен. Хвост повторяется постоянно.

— Если я принесу полный?

— Откуда?

— С кадра до входа в подъезд. Общая зона, мой заказ.

Сева опять помолчал.

— Не присылай видео. Выпиши номер сам. Я проверю только служебный статус: создан, выдан, закрыт или отменён. Без состава, клиента и адреса.

Никита поблагодарил и сразу набрал Рощину. Она ответила не сразу.

— У меня есть допустимый способ проверить два кода упаковки, — сказал он. — Аналитик склада увидит только их служебные статусы. Никакой клиентской выгрузки.

— Кто предложил способ?

— Я спросил. Он поставил ограничения.

— Имя и должность пришлите сообщением. Саму запись ему не передавайте. Полные номера я могу сообщить вам после того, как специалист установит, относятся ли кадры с этикетками к вашему рабочему заданию и нет ли там персональных данных.

— На улице я держу пакеты перед собой. Там только наклейка.

— Вы помните, что там только наклейка. Мы проверим, что записано.

— Сколько это займёт?

— Я перезвоню.

— Сегодня?

— Орлов, скорость не превращает неразрешённый доступ в разрешённый.

— А медленность не вернёт пропавший файл.

В трубке стало тихо.

— Именно поэтому мы не будем портить то, что осталось, — сказала Рощина. — Пришлите контакт Лисицына.

Никита отправил номер и сел ждать. Через десять минут понял, что ждать дома не сможет. До начала смены оставалось три часа. Новую карту для камеры он купил в магазине у вокзала, запечатанную, с чеком. Камеру не включал: корпус всё ещё мог понадобиться Крылову, а подменять в нём что-либо без разрешения было глупо.

Из магазина он поехал к «Маяку-12», но остановился через дорогу. Калитка башни Б была видна между автобусной остановкой и рекламным щитом. Утренние жильцы выходили по одному, придерживая створку следующему. Теперь она закрывалась легко. Рядом стоял охранник с именной нашивкой. Не тот мужчина, которого Никита видел в пятницу.

Он не стал подходить. Его задача была не искать лица, а проверить порядок. В пятницу он нажал «Прибыл» у перекрёстка, переехал дорогу, отстегнул велосипед, спорил с охранником, прошёл калитку и холл. Восемь минут до двери уже не казались странными. Странными оставались девять лишних минут камеры.

Никита открыл собственную историю поездок на велосипеде. Приложение замка показывало только моменты открытия и закрытия, без координат. В 22:08 трос был закрыт. В 22:18 — открыт.

Десять минут.

Он записал эти времена на листке из блокнота. Получалось, что велосипед подтверждал приложение, а не камеру. Но камера могла спешить только на минуту девятнадцать секунд, не на девять минут. Значит, между её файлами было не прожитое время, а что-то иное: ошибка счётчика, повторная попытка записи, сбой карты. Или камера продолжала считать время, пока Никита уже находился в другом месте.

У калитки появился фургон подрядной службы. Двое рабочих вынесли складную лестницу. Охранник расписался на планшете, поднял створку, и машина въехала во двор.

Никита вспомнил плоскую папку у женщины в жёлтом плаще. Память немедленно предложила удобную картинку: папка у Дарьи, Дарья выходит незамеченной, фургон увозит её. Он зачеркнул эту мысль, хотя не успел записать. Ни лица, ни номера машины он не видел. Папка могла быть планшетом, женщина — любой соседкой, фургон сегодня не имел отношения к пятнице.

Телефон зазвонил, когда он уже собирался уехать.

— На одном из ранних фрагментов читается полная маркировка обеих упаковок, — сказала Рощина. — Кадр относится к выдаче и не содержит данных получателя. Я пришлю два кода текстом. Лисицын подтвердил полномочия и согласился ответить только по статусам. Ответ сохраните целиком.

— Вы с ним уже поговорили?

— Да.

— Быстро.

— Иногда проверка быстрее догадки.

Сообщение пришло через минуту. Два длинных набора символов отличались не только окончаниями. Первый начинался обозначением их склада. Второй — другой группой букв.

Никита переслал Севе только коды и вопрос: «Статус каждого?»

Ответа не было почти час. Никита успел доехать до склада, переодеться и отказаться от двух заданий, для которых требовалась камера. Диспетчер написал, что третий отказ снизит приоритет. Никита показал справку о том, что оборудование изъято для проверки, и получил обычный маршрут без обязательной видеозаписи.

Сева поймал его у ряда холодильников.

— Телефон убери, — сказал он.

— Я не записываю.

— Все так говорят, держа телефон экраном вверх.

Никита сунул аппарат в карман.

Сева выглядел так, словно ночь провёл внутри собственной таблицы: серое лицо, красные полосы на глазах, рубашка застёгнута не на ту пуговицу. Он повёл Никиту к пустой зоне возвратов. Над ними гудели лампы. Сборщики проходили мимо с тележками и не смотрели в их сторону.

— Первый код нормальный, — сказал Сева. — Создан здесь, напечатан на терминале выдачи, связан с твоим пятничным заданием, закрыт после передачи.

— Второй?

— Полный код существует. Но в твоём заказе его нет.

— Ты утром сказал, что два места выдали мне.

— В отчёте заказа два места. В журнале сканирования второй код не тот, что попал на камеру.

Никита не сразу понял разницу.

— То есть в приложении 4М, на пакете тоже 4М, но полный номер другой?

— Хвост одинаковый. Поэтому на экране всё выглядит убедительно, если ты видишь только последние знаки. Полная маркировка с кадра относится к другой упаковке.

— Кому?

— Этого я тебе не скажу.

— Другому клиенту?

— Не пытайся заставить меня подтвердить категорию, которую я не имею права открывать. Статус такой: код создан не на нашем складе. Он связан с закрытым курьерским аккаунтом. Последнее событие — передача в доставку. Подтверждения получателя нет.

— Когда аккаунт закрыли?

— Это уже выходит за мой доступ по твоему обращению.

— До пятницы или после?

— Выходит, Никита.

Сева отступил на полшага, давая понять, что разговор закончен. Никита заслонил ему проход.

— Этот пакет был у меня в руках. Я отдал его женщине, которая пропала.

— Ты уверен, что отдал именно его?

Вопрос остановил Никиту лучше приказа.

Он видел два пакета у себя в руках. Помнил, как Дарья посмотрела на них. Помнил, как поставил один на пол, чтобы достать телефон. Но отсутствующий фрагмент начинался раньше двери. Он не мог проверить, какой пакет поднял с пола и какой остался у порога. Он даже не мог доказать, что оба вошли в квартиру.

— Я передал два, — сказал он.

— Тогда так и говори: помнишь, что передал два. Не говори, что знаешь судьбу конкретной этикетки.

— Откуда чужой пакет оказался в моей ячейке?

— Не знаю, что он был в твоей ячейке. Камера показывает его после выдачи. Между сканером и кадром есть несколько метров, стойка комплектования и твои руки.

— Кто-то поменял наклейку?

— Не знаю. Могли перепутать место. Могли переложить пакет на стойке. Могли неверно связать короткое обозначение с полным кодом. Мог быть возврат, который не прошёл нормальный цикл. Я сейчас перечисляю возможности, а не версии.

Сева вынул из кармана сложенный вчетверо лист.

— Здесь служебный ответ. Без имени клиента, адреса, состава и чужих заказов. Первый код — активное на тот момент задание твоего аккаунта. Второй — упаковка, связанная с акка-

унтом, закрытым на момент моей проверки. В твоей доступной истории второго полного кода нет. Я подписал временем запроса. Оригинал оставляю у себя, тебе копия.

— Закрытым на момент проверки — это сегодня.

— Да. Не подменяй этой формулировкой пятницу.

Никита развернул лист. Сева выделил жирным две строки и внизу добавил: «Данные о владельце аккаунта не извлекались».

— Рощиной отправил?

— С её служебного адреса пришёл запрос. Ответил туда же.

— А она может узнать владельца?

— Если получит основание и запросит у сервиса. Я не полиция и ты не полиция.

— Я курьер, которого использовали.

— Это пока тоже версия.

Сева забрал с полки пустой серый пакет и положил между ними.

— Смотри. Этикетка сообщает системе, чем считать упаковку. Но она не доказывает, что внутри. Скан сообщает, где код отмечился, но не доказывает, кто нёс пакет между двумя сканами. Аккаунт сообщает, кому назначили маршрут, но не доказывает, кто держал телефон. Если хочешь помочь, не склеивай эти три вещи раньше времени.

— Ты всегда разговариваешь как инструкция?

— Только когда человек очень хочет превратить совпадение в виновного.

Никита сложил копию и убрал во внутренний карман.

— Можно проверить хотя бы время последнего события второго кода?

Сева покачал головой.

— В моём ответе его нет намеренно. Время чужой доставки сузит клиента и маршрут. Пусть запрашивает Рощина.

— А служебный статус аккаунта? Почему он закрыт?

— Причину я не вижу. «Закрыт» может означать увольнение, блокировку, переход на другой договор, смерть учётной записи после объединения профилей — десяток вещей. Не человека. Учётной записи.

Никита кивнул. Это было меньше, чем он хотел, и больше, чем имел утром.

Первый заказ смены вёл на улицу Портовую. Пока Никита ехал, чужой пакет лежал у него в памяти поверх двух настоящих, становясь то серым, то белым, то тяжёлым, то почти пустым. Он поймал себя на том, что придумывает ему форму. На кадре до подъезда пакет был виден лишь сбоку. Его содержимое оставалось неизвестным.

У клиента он снял рюкзак, поставил заказ на коврик и попросил назвать последние цифры телефона. Женщина за дверью назвала код и протянула руку. Никита отметил передачу только после того, как она забрала обе упаковки.

— Что-то не так? — спросила она.

— Проверяю количество.

— Их две.

— Теперь вижу.

На лестнице он записал в блокнот: «Количество подтверждать до отметки». Потом вычеркнул. Это было полезно для будущих смен, но ничего не доказывало о пятнице.

Рощина позвонила в перерыве.

— Ответ Лисицына получила, — сказала она. — Вы с ним обсуждали владельца закрытого аккаунта?

— Он отказался смотреть.

— Хорошо.

— Что хорошего в отказе?

— То, что сохранена граница доступа. Теперь сервис ответит на официальный запрос, а защита не сможет сказать, что сведения добыты неизвестным способом и могли быть изменены.

— Вы запросите?

— Уже запросила связь полного кода со служебным аккаунтом, время его событий и основание закрытия. Персональные данные владельца — только если они окажутся необходимы.

— Пакет был у двери Дарьи.

— На имеющемся у нас кадре он находится у вас в руках до входа в комплекс.

— Я помню его у двери.

— Опишите различимый признак.

Никита попытался. Один пакет был плотнее. На другом край скотча отходил. Или это происходило на сегодняшней доставке? В пятницу коридор освещала тусклая лампа, Дарья стояла боком, мужчина в форме смотрел от служебной дверцы. Никита помнил два прямоугольника на полу, но ни одного кода.

— Не могу, — сказал он.

— Тогда пока у нас есть чужая упаковка на вашем маршруте, а не у двери Ведениной.

— Но она вошла со мной в подъезд.

— Это проверяемо. Специалист просмотрит последний целый фрагмент перед разрывом кадра.

— И если пакет там?

— Установим, что вы вошли с ним. Не больше.

Никита остановился под козырьком закрытой аптеки. Начинался дождь, редкий и крупный. На другой стороне улицы люди ускоряли шаг, будто у каждого была запись, которую следовало успеть спасти до перезаписи.

— Сервис долго отвечает? — спросил он.

— По правилам — до тридцати дней. По срочному запросу могут быстрее.

— Дарья не может ждать тридцать дней.

— Поэтому мы проверяем и другие линии.

— Какие?

— Те, о которых я сообщу, когда это не повредит проверке.

— Опять запас.

— Опять точность.

Она уже собиралась закончить разговор, когда Никита спросил:

— Можно установить, откуда привезли упаковку, не узнавая клиента?

Рощина ответила после короткой паузы:

— Что именно вы хотите установить?

— Не адрес получателя. Начальную точку. Склад, смену, участок маршрута. Если код не наш, значит, пакет пришёл откуда-то ещё. У него должна быть своя цепочка событий.

— Должна быть, если система сработала штатно.

— А если аккаунт закрыт, маршрут мог остаться?

— Мог. Я добавлю вопрос в запрос.

— И упаковку. У пакетов разных складов есть отличия: цвет пломбы, ширина ленты, расположение этикетки. Сева сможет определить хотя бы тип без клиентских данных.

— Это уже предмет, а не запись.

— Предмет мог остаться у Дарьи.

— Если его не выбросили и если он действительно оказался у неё.

Никита посмотрел на дождь.

— Алина говорила, дверь нашли открытой. Кто входил в квартиру после этого?

— Я не буду перечислять вам участников осмотра.

— Я не прошу имён. Упаковку искали?

— Теперь будем искать именно её признаки. Пришлите Лисицыну через меня перечень различий, которые он может назвать без просмотра чужой базы.

После разговора Никита вернулся на склад. Сева был занят сверкой возвратов и встретил его таким взглядом, будто тот принёс ещё один ошибочный ящик.

— Нужны внешние признаки упаковки другого узла, — сказал Никита. — Не клиент и не маршрут. Цвет пломбы, лента, печать. Запрос передаст следователь.

— У разных узлов закупки пересекаются.

— Значит, перечисли, что признак может подтвердить, а чего не может.

Сева впервые за день улыбнулся.

— Учишься.

Он достал из контейнера три сложенных пакета. Все были серыми. У одного по краю шла синяя полоса, у другого — чёрная, у третьего никакой полосы не было.

— Это не форма разных складов, — сказал Сева. — Это партии поставщика. По полосе можно сузить закупку, но пакет мог месяц лежать в запасе или переехать между узлами. Пломба тоже менялась. А вот этикеточный рулон иногда оставляет микрометку терминала — две светлые точки у нижнего края. На твоём кадре их, скорее всего, не разобрать.

— А на самом пакете?

— Разобрать можно. Если он сохранился.

— Что ещё?

— Складской штамп внутри клапана. Его ставят не везде и не всегда. Чтобы увидеть, придётся вскрыть упаковку. Если полиция найдёт пакет, пусть не делает это до фиксации внешнего вида.

Никита записал всё под диктовку. Сева отдельно потребовал добавить: отсутствие метки не исключает ни один склад, а совпадение партии не доказывает конкретный маршрут.

К концу смены Рощина прислала одно сообщение: «На последнем целом кадре перед разрывом обе упаковки при вас. Полные коды различимы. Сведения зафиксированы».

Никита прочёл сообщение дважды. Теперь чужой пакет точно вошёл с ним в лифт. Дальше камера молчала.

Он открыл фотографию своего бумажного листа и добавил четвёртый столбец: «что осталось физически». Напротив двух пакетов поставил вопросительные знаки. Напротив камеры — «корпус, карта у полиции». Напротив велосипеда — «журнал замка». Потом вписал: «упаковка закрытого аккаунта».

Событие приложения говорило, что Никита доставил заказ Дарье. Запись говорила, что он вошёл в комплекс с чужой упаковкой. Память говорила, что оставил у двери два пакета. Ни один источник не подтверждал остальные полностью.

Но у чужой упаковки был собственный путь до того, как она оказалась в его руках. Закрывание аккаунта не стирало этот путь автоматически. Где-то оставались склад, терминал, момент передачи, возможно — курьер, которому пакет назначили сначала.

Никита написал Рощиной: «Следующий шаг — происхождение упаковки и маршрут закрытого аккаунта. Без клиентской базы».

Она ответила: «Да. Самостоятельно не запрашивайте».

Он не стал спорить. Впервые запрет не казался остановкой. Он обозначал узкую дорогу, по которой улика могла дойти до дела, не превратившись в украденный список чужих адресов.

Перед сном Никита прикрепил копию ответа Севы к тетрадному листу. Пустой столбец «кто мог это подтвердить» больше не был пустым. Он вписал туда не имя, а три независимые вещи: кадр до лифта, служебный статус кода, журнал выдачи.

Человека за ними пока не было.

Был маршрут.

Глава 4. Лифт без этажа

Повторить пятничный маршрут оказалось сложнее, чем проехать по тем же улицам.

В понедельник приложение выдало Никите заказ в башню А «Маяка-12». Не к Дарье, не на шестнадцатый этаж и без обязательной камеры. Он принял его только после сообщения Рощиной: общие зоны можно наблюдать как часть своей работы, но нельзя провоцировать жильцов, заглядывать в служебные помещения или снимать частные двери.

«Повторяйте действия, а не вывод», — написала она.

Никита нажал «Прибыл» у того же перекрёстка. Время — 18:37. Светофор держал красный сорок две секунды. Он пересёк дорогу, подъехал к калитке, закрыл трос в 18:39 и проверил экран замка. Потом не спешил.

Калитка открылась с первого раза. Рядом дежурил охранник с нашивкой «Мельников». Никита показал заказ. Мельников взглянул на экран, записал башню и сказал оставить велосипед снаружи. Всё заняло двадцать семь секунд.

— В пятницу калитка заедала, — заметил Никита.

— В субботу доводчик меняли.

— Кто?

— Эксплуатация.

— Наряд сохранился?

Охранник поднял глаза.

— Вам доставка или проверка?

— Доставка.

Никита прошёл внутрь. Рощина просила не превращать повтор в допрос. Он записал в блокноте только услышанное: доводчик заменили в субботу. Это не доказывало, что в пятницу калитка заедала по той же причине.

До холла башни А он дошёл за минуту. Заказ был на седьмой этаж. Лифт приехал сразу, табло показало 1, затем 2, 3, 5, 7. Четвёртый и шестой цифрами не обозначились, хотя кабина не ускорялась. На обратном пути Никита заметил мелкую табличку под панелью: «Индикация промежуточных остановок зависит от режима группы».

Он сфотографировал табличку, не захватывая пассажиров, и отправил Рощиной. Она ответила: «Это башня А. В пятницу была Б».

Заказ занял пять минут от калитки до отметки «Передал». Ещё через две минуты Никита открыл трос. Семь минут вместо пятничных десяти. Разница объяснялась этажом, дверями и ожиданием, но не камерными двадцатью двумя минутами.

Он не уехал. Через приложение принял следующий заказ, а пока сборщик его готовил, обошёл комплекс снаружи. Башня Б имела два входа: главный со двора и нижний со стороны ramпы. Нижний находился на уклоне, где земля опускалась почти на этаж. Над дверью не было номера, только знак доставки мебели и вызов диспетчера.

Через стекло виднелся серый коридор, похожий на тот, который открылся Никите при пятничном спуске. Тогда табло показывало 1.

Он не пытался войти. Снял дверь с общественного тротуара, затем убрал телефон. На стене рядом висела схема эвакуации для посетителей торговой галереи. Нижний вход обозначался как «уровень 0», главный холл — как «уровень 1».

В пятницу лифт мог открыть нулевой уровень, показывая единицу. Ошибка табло была возможна. Но почему после технического коридора кабина снова привезла его в холл, будто он нажал другую кнопку?

Никита восстановил движение телом. Дарья закрыла дверь. Он пошёл к лифту. Мужчина без нашивки остался у служебной дверцы. Кабина пришла пустой. Никита нажал кнопку с циф-

рой 1. На спуске смотрел на пакеты? Нет, пакетов уже не было. На телефон? Возможно. Двери открылись в серый коридор. Он решил, что ошибся, нажал закрытие. Потом лифт открылся в холле.

Между этими двумя открытиями память не содержала нажатия кнопки.

Телефон завибрировал: новый заказ собран. Никита поехал работать, но весь вечер отмечал длительность каждой вертикальной доставки. Ожидание лифта — от нуля до четырёх минут. Поездка на шестнадцатый этаж — сорок восемь секунд без остановок. Разговор у двери — от двадцати секунд до трёх минут. Ни одна обычная доставка не требовала девяти лишних минут, если только курьер не ждал кабину или не выходил не там.

После смены его ждало сообщение Рощиной: «Управляющая организация согласовала осмотр общих зон завтра в 10:00. Не входите без нас».

Утром у калитки стояли Рощина, Крылов и инженер комплекса Андрей Мазин. Мазин был невысоким, говорил быстро и держал под мышкой папку с распечатками. На груди у него висела гостевая карта собственной организации — так требовал новый режим после исчезновения Дарьи.

— Повторяем только подтверждённую последовательность, — сказала Рощина. — Орлов показывает действия. Мазин объясняет работу оборудования. Крылов фиксирует время и состояние. Никто не подсказывает Орлову, что он якобы должен вспомнить.

— Камеру мне вернут? — спросил Никита.

— После исследования корпуса. Сегодня используем нашу.

Крылов закрепил маленький регистратор на ремне поверх куртки Никиты. Проверил кадр и попросил не трогать крепление.

— В пятницу объектив был ниже, — сказал Никита.

— Насколько?

— Не знаю.

— Тогда оставим штатное положение и отметим различие.

Они начали у перекрёстка. Никита имитировал нажатие «Прибыл», пересёк дорогу, показал место велосипеда. Крылов вслух называл время каждой опоры. У калитки Мазин останавливал створку рукой. Доводчик был новый; старый сняли по заявке после жалоб жильцов.

— Когда создана заявка? — спросила Рощина.

— В пятницу в двадцать три сорок одна. Работы утром в субботу.

— Кто подал?

— Дежурный диспетчер. Имя в наряде.

Рощина забрала копию, не читая вслух.

В холле башни Б Никита показал место женщины в жёлтом плаще и направление, куда та ушла. Потом они вошли в лифт. На панели были кнопки от 1 до 24, кнопка П и кнопка с пиктограммой грузовой тележки под прозрачной крышкой.

— Нулевого этажа нет, — сказал Никита.

— Для обычного пассажира нет, — ответил Мазин. — Нижний уровень вызывается сервисной картой. На табло он должен отображаться буквой П.

— В пятницу была единица.

— Вы уверены, что двери открылись на нижнем уровне?

Никита посмотрел на Рощину.

— Я помню серый коридор и трубы. Снаружи видел похожий за нижней дверью.

— «Похожий» зафиксировали, — сказала она. — Продолжайте.

Он нажал 16. Кабина пошла вверх. Табло показало 3, 5, затем 9. Цифры менялись не на каждом этаже.

— Вот, — сказал Мазин. — Это не положение кабины. Это последний зарегистрированный вызов в группе. На старой прошивке индикатор внутри иногда на долю секунды показывает назначение соседнего лифта, если диспетчеризация перераспределяет вызов.

— То есть 12, 9, 14 не означают, что я ездил между этими этажами?

— Не означают напрямую. Но последовательность странная. Назначение не должно идти назад, если вызовы не меняются.

— Могли меняться?

— Да. Кто-то отменил вызов, двери другого лифта удержали, сервисная карта перехватила кабину. Нужен журнал контроллера.

— Он сохранился?

Мазин отвёл взгляд.

— Оперативный журнал — семь суток. Аварийный — дольше. Пятница была больше недели назад.

— Вы говорили, что архив камер хранится месяц, — сказал Никита.

— Камеры и лифты — разные системы.

— Всегда удобные разные системы.

— Орлов, — остановила Рощина.

Кабина прибыла на шестнадцатый. Они вышли. Никита дошёл до квартиры 174 и остановился в двух метрах от двери. Пломбы полиции не было, но Рощина не разрешила приближаться. Служебная дверца находилась напротив пожарного шкафа.

— Мужчина стоял здесь, — сказал Никита. — Потом подошёл к двери Дарьи. Я не видел, как он вошёл на этаж.

Мазин приложил свою карту к считывателю служебной дверцы. За ней оказалась узкая лестница и площадка грузового лифта.

— Этот лифт идёт на нижний уровень, — сказал он. — Пассажирский тоже может, если его перевести в сервисный режим.

— Кто может перевести? — спросила Рощина.

— Дежурный инженер, пожарная служба, подрядная охрана по аварийному регламенту. Карты именные, события должны журналироваться.

— Должны?

— Считыватель дверцы пишет локально. Лифт — отдельно. Синхронизация часов бывает с расхождением.

Рощина попросила перечень действовавших в пятницу карт и журналы служебной дверцы. Мазин записал запрос.

Никита встал на то место, где, по памяти, ставил пакеты. Крылов проверил угол регистратора. Этикетки попадали в нижнюю треть кадра, пока Никита держал их, и исчезали, когда он ставил их у двери.

— Теперь обратно, — сказала Рощина.

У пассажирского лифта Никита нажал вызов. Пришла левая кабина. В пятницу, как ему казалось, была правая. Он вошёл и нажал 1. На восьмом этаже кабина остановилась: вошла женщина с ребёнком. На первом двери открылись в главный холл.

— Не то, — сказал Никита.

— Что именно не то? — спросил Крылов.

— В пятницу свет был холоднее. Стены серые, на потолке трубы. И пахло мокрым картоном.

Мазин приложил карту к панели, открыл прозрачную крышку и нажал грузовую пиктограмму. Кнопка П загорелась.

— Сейчас кабина поедет вниз. Обычный пассажир так сделать не может.

На табло появилась П. Двери открылись в технический коридор. Он действительно походил на пятничный: те же серые панели, открытые трубы, жёлтая линия у стены. Но справа сейчас стояла решётчатая тележка, а в памяти Никиты — ничего.

— Здесь, — сказал он. — Или почти здесь.

— В пятницу табло показывало 1? — уточнил Крылов.

— Да.

Мазин вышел и указал на маленький выносной индикатор над дверью. На нём горела цифра 1.

— Вот это неправильно, — сказал он.

— Почему? — спросила Рощина.

— Кабина знает, что находится на П. Панель внутри показывает П. Этажный индикатор получает адрес площадки от отдельного блока. Здесь адрес выставлен как 1.

— Давно?

— Не знаю.

— Можно выставить случайно?

— После замены блока, ремонта или сброса. Сам по себе адрес не меняется.

Крылов снял оба индикатора одним кадром: П внутри, 1 снаружи.

Никита шагнул в коридор. На пятничной записи этого момента не было, но тело узнало уклон пола. Левая нога опустилась чуть ниже правой. Он вспомнил, как придерживал дверь плечом. Не пассажирскую дверь — тяжёлую, ту, что вела наружу.

— Я выходил здесь, — сказал он.

— Не торопитесь, — предупредила Рощина.

— Я помню не картинку. Нога. Здесь пол уходит вниз. Я толкнул дверь и решил, что ошибся этажом.

В конце коридора была дверь нижнего выезда. Мазин открыл её картой. С улицы ударил холодный воздух. До места, где в пятницу стоял велосипед, отсюда было около ста метров вокруг угла.

— Но запись после разрыва начинается у велосипеда, — сказал Крылов. — Если Орлов вышел здесь, он мог дойти наружи.

— Тогда почему я снова помню холл? — спросил Никита.

Никто не ответил.

Они вернулись к лифту. Рощина попросила Никиту повторить только то, в чём он уверен. Он нажал 1 на шестнадцатом. Двери открылись в техническом коридоре. Он вышел, почувствовал уклон, увидел наружную дверь. Дальше память предлагала две несовместимые версии: он вернулся в кабину и оказался в холле; он прошёл по коридору и вышел к рампе.

— В пятницу на панели могла загореться 1, а кабина уйти на П? — спросила Рощина.

— Без сервисной команды — нет, — сказал Мазин. — Но если команда уже была назначена картой снаружи или диспетчером, пассажирская единица могла остаться в очереди следующей. Сначала П, потом 1.

— Кто-то мог вызвать её на П, пока Никита ехал вниз?

— Да. Лифт выполнил бы ближайший приоритетный вызов, открылся здесь, затем продолжил на первый.

— Поэтому два открытия, — сказал Никита.

— Возможный механизм, — поправила Рощина. — Не установленное событие.

Мазин показал ключевой считыватель у нижней площадки. Если человек с сервисной картой вызвал кабину, система должна была записать номер карты. Локальный журнал дверей хранился девятью днями, но журнал вызова лифта — только семь. Оставалась косвенная проверка: вход по нижней двери, открытие служебной дверцы на шестнадцатом, аварийные события и пропуск подрядчиков.

— Мужчина у квартиры мог спуститься грузовым лифтом, — сказал Никита.

— Мог, — ответила Рощина. — Но мы пока не знаем, что он спускался и что его карта открывала эту дверь.

— А если пассажирский лифт вызвал он?

— Тогда требуется событие его карты на П или команда диспетчера. Идентификация мужчины тоже пока не подтверждена.

Рощина попросила Мазина ничего не перенастраивать до фиксации адреса индикатора. Потом они измерили маршрут. От двери 174 до пассажирского лифта — девятнадцать секунд. Спуск с остановкой на П — минута двенадцать. От лифта до нижней двери — сорок одна секунда. От нижнего выхода до велосипеда быстрым шагом — две минуты восемнадцать. Даже с ожиданием и спором у двери путь укладывался в десять минут приложения.

— А двадцать одна минута камеры? — спросил Никита.

— По-прежнему диапазон повреждённых файлов, а не доказанная длительность вашего пребывания, — сказал Крылов. — Счётчик мог резервировать интервалы, создавать пустые сегменты или неверно закрывать контейнер. Корпус исследуем отдельно.

— Значит, камера не только не видела, но и неправильно посчитала отсутствие.

— Возможно. Формулировка будет после исследования.

На улице Рощина задержала Никиту у нижнего выхода.

— Что изменилось в вашем рассказе?

Он посмотрел на рампу. Отсюда главный холл не был виден. Человек мог выйти в одном месте и через две минуты оказаться у велосипеда, не возвращаясь к стеклянным дверям.

— Я считал, что дважды видел первый этаж. Теперь знаю, что один раз мог видеть уровень П с индикатором 1.

— Ещё?

— Лифт мог сначала выполнить служебный вызов, потом отвезти меня в холл. Или я мог выйти на П и дойти снаружи. Я не помню надёжно, какая версия была.

— Не выбирайте удобную.

— Но приложение даёт время на обе.

— Да.

— Значит, меня могли провести по подъезду иначе, чем я запомнил.

Рощина не возразила, но подняла палец.

— «Могли провести» звучит так, будто действовал другой человек. Пока установлено только, что ваш фактический путь мог отличаться от восстановленного по памяти. Причиной могла быть служебная команда лифта, ваша ошибка или обычная последовательность вызовов.

— А чужой пакет?

— Его маршрут проверяется отдельно.

Никита обернулся к серой двери. В пятницу он вошёл через парадный светлый холл с двумя упаковками. Последний целый кадр подтверждал это. После разрыва камера нашла его уже у велосипеда. Между этими точками существовал не один путь, а два: через главный этаж и через уровень П. Приложение не различало их. Память склеила оба.

У калитки Мельников придержал створку, чтобы они вышли.

— Теперь не заедает, — сказал он.

Никита машинально потянул её на себя. Створка сопротивлялась до последнего сантиметра, затем мягко встала на магнит.

В пятницу сопротивление было другим — рывками, с металлическим скрежетом. Он записал это как ощущение, не как факт.

Рощина забрала у Крылова регистратор. Мазин ушёл оформлять выгрузку дверных событий. Никита открыл журнал замка: пятничные 22:08 и 22:18 оставались на месте.

Десять минут не объясняли, что произошло. Зато не позволяли камере подарить ему лишние девять.

Он дописал в тетради: «табло снаружи на П показывает 1; внутри — П. Сервисный вызов мог дать два открытия. Проверить карты и команды».

Ниже, после паузы: «Я помню маршрут, которого могло не быть целиком».

Это было первое допущение, которому Никита не доверял. Поэтому оно годилось для проверки.

Глава 5. Сестрина расписка

Алина позвонила, когда Никита выезжал со двора «Маяка-12».

— Ты где?

Он посмотрел на серую дверь нижнего выхода. Рощина с Крыловым ещё разговаривали у калитки с инженером, а Мазин придерживал папку подбородком и ставил подписи на акте осмотра.

— На работе.

— Не ври хотя бы коротко. Я вижу твой велосипед у башни Б.

Никита поднял голову. В окнах кофейни напротив отражались калитка, припаркованный фургон и он сам в расстёгнутой куртке. Алины там не было.

— Откуда?

— Курьерский чат. Кто-то снял полицию и подписал: «Орлов опять водит экскурсии». Приезжай ко мне. Сейчас.

— У меня смена.

— Отмени два заказа. Я верну деньги.

Она произнесла это тем голосом, которым в детстве предлагала отдать ему свою порцию мороженого после разбитого окна. Не просила — заранее назначала цену ущерба.

Никита снял смену в приложении. За досрочный выход рейтинг не падал, но исчезала вечерняя надбавка. Он записал сумму на полях тетради и тут же разозлился на себя: будто разговор с сестрой был ещё одной доставкой, чей убыток можно доказать скриншотом.

Алина жила в старом доме за трамвайным кольцом, в однокомнатной квартире с окнами на ремонтную мастерскую. Никита знал три способа попасть в подъезд без звонка, но нажал её номер на домофоне. Замок щёлкнул сразу.

На четвёртом этаже дверь была приоткрыта. За ней пахло нагретой бумагой. Алина сидела на полу у дивана, вокруг лежали прозрачные файлы, конверты и распечатки. Домашнюю футболку она заправила только с одного бока, волосы собрала резинкой для денег. На журнальном столике работал старый принтер; из него торчал лист с чёрной полосой по краю.

— Камеру выключи, — сказала она.

— Она у полиции.

— Телефон положи сюда.

Она указала на кухонный шкаф. Никита показал экран, включил авиарежим и оставил аппарат рядом с сахарницей.

— Теперь скажи, что случилось.

— Сначала ты.

Алина подняла один из прозрачных файлов. Внутри была копия расписки: четыре абзаца, сумма цифрами и прописью, подпись внизу. Фамилию Орлова Никита увидел раньше имени.

— Это твоё?

— Моё имя. Остальное — предмет спора.

— Какая сумма?

— Ты читать разучился?

— Я хочу услышать от тебя.

— Один миллион восемьсот тысяч.

Принтер вытолкнул лист и замолчал. За окном ударил пневматический ключ в мастерской. Никита перечитал сумму. В расписке говорилось, что Алина получила деньги наличными на ремонт квартиры и обязалась вернуть их через четыре месяца. Свидетелей не было. Ниже стояла размашистая подпись, похожая на её подпись в паспорте ровно настолько, чтобы не закрыть файл после первого взгляда.

— Ты брала?

— Нет.

— Совсем ничего у этого человека?

— У какого «этого»? Здесь взыскатель — компания.

В шапке значилось общество «Форпост актив». Название Никите ничего не говорило.

— Компания не могла передать тебе наличные без следа.

— Поэтому они предъявили уступку. Якобы сначала я заняла у частного лица, потом он продал право требования. Частное лицо мне неизвестно.

— Подпись?

— Не ставила.

— Тогда почему ты говоришь «предмет спора», а не «подделка»?

— Потому что Дарья научила меня не называть доказанным то, что ещё не исследовали.

Имя прозвучало без подготовки. Никита положил файл на стол.

— Откуда у тебя Дарья?

— Она жила в соседней башне. Мы познакомились на собрании жильцов весной.

— Ты никогда не говорила.

— Ты никогда не спрашивал, с кем я обсуждаю коммунальные платежи.

— Миллион восемьсот — это не коммунальные платежи.

Алина поднялась и подошла к принтеру. Ростом она была ниже Никиты, но рядом с ним всегда выпрямлялась так, будто уравнивала их в ведомости.

— Сначала было уведомление в личном кабинете, — сказала она. — Потом письмо о задолженности. Я решила, что мошенническая рассылка. Через неделю пришла копия заявления о судебном приказе. Его отменили по моему возражению. После этого подали иск.

— Когда?

— В июне.

— Сейчас октябрь.

— Спасибо за календарь.

— Четыре месяца ты молчала.

— А ты сколько молчал про тех, кто звонил тебе из-за меня?

Никита не ответил сразу. Она смотрела не на него, а на карман куртки, где раньше лежал телефон.

— Кто сказал, что звонили?

— Ты только что.

— Я ничего не сказал.

— Ты спросил «про тех, кто звонил», лицом.

Так говорила их мать: не обвиняла, а объявляла наблюдение достаточным. Никита сел на край табурета.

— Два раза звонили. Один раз пришли в даркстор.

Алина медленно положила лист на стопку.

— Когда?

— В конце августа.

— Что хотели?

— Чтобы ты вышла на связь и «не увеличивала расходы». Я сказал, что мы почти не общаемся.

— И ты не рассказал мне.

— Ты бы полезла ругаться.

— Это моё дело.

— Поэтому я и не хотел, чтобы тебя напугали.

— Ты решил, что лучший способ не дать меня напугать — оставить меня единственной, кто не знает об угрозах?

Он потёр ладонью колено. Под джинсами саднила царапина после утреннего падения, о котором он тоже никому не сообщил.

— Они не угрожали прямо.

— Что сказали?

— Что курьеры часто попадают в аварии. Что у них нет накоплений. Что семье приходится отвечать по обязательствам.

Алина закрыла глаза.

— Дословно?

— Почти.

— Ты записал номер?

— Да.

— Сохранил сообщение?

— Они говорили лично.

— Камера?

— Была в шкафчике. Внутри даркстора нельзя снимать сотрудников.

Она коротко рассмеялась, без веселья.

— Курьер видел всё.

— Не начинай.

— Я не про тебя. Дарья так сказала. Когда я спросила, зачем ей журналы доставок в наш подъезд, она ответила: «Курьер видел всё, просто не знает, что именно».

Никита поднял голову.

— Какие журналы?

— Не твои. Не знаю. Она проверяла, кто и когда бывал у жильцов с похожими долгами.

— Сколько таких жильцов?

— Подтверждённых ею — не знаю. Со мной она обсуждала ещё троих, но имена не называла. В домовом чате жаловались чаще. Дарья считала, что нельзя сваливать в одну кучу реальные просрочки, ошибки начислений и поддельные обязательства.

— Что она делала для тебя?

Алина опустила на пол и разложила перед ним документы по четырём кучкам.

— Вот то, что можно проверить. Заявление, определение об отмене приказа, копия иска, приложение с распиской. Вот мои банковские выписки за указанный период: поступления такой суммы нет. Это не исключает наличные, но противоречит истории о ремонте — ремонта тоже не было. Вот договор на электронную подпись и журнал входов, который мне выдал удостоверяющий центр. А вот мои слова и догадки. Их никуда не понесёшь как доказательство.

Никита взял журнал. В таблице стояли даты, идентификаторы операций и статусы. Одна строка была подчёркнута красным.

— Что подписано?

— Незвестный мне архив. В личном кабинете сохранился только идентификатор. Удостоверяющий центр подтверждает факт операции ключом, но не содержание файла.

— Ключ был у тебя?

— На телефоне. Подписание подтверждалось кодом.

— Код приходил?

— В тот день — да. Я решила, что подтверждаю заявление управляющей компании о перерасчёте отопления. Ссылка пришла в чате от аккаунта с именем нашего диспетчера.

— Ты нажала чужую ссылку и ввела код?

— Да. Можешь назначить мне десять лет за цифровую неграмотность.

— Я не это...

— Именно это. Я тоже себе назначила. Только подпись в расписке нарисована от руки, а в материалах ещё есть электронное подтверждение другого документа. Мы не знаем, как они связаны. Дарья пыталась получить исходный архив и сведения о том, кто создал запрос на подписание.

Никита снова посмотрел на расписку.

— Если электронно подписан не этот документ, зачем он в деле?

— Взыскатель утверждает, что электронно я подтвердила акт сверки. Бумажная расписка — основание долга, акт — якобы признание. Я оспариваю оба.

— Экспертиза подписи?

— Суд ещё не назначил. Мой представитель подал ходатайство. Дарья сказала не ждать и проверить цифровую часть отдельно.

— Она юрист?

— Нет. Работала с реестрами в компании, которая обслуживала жилые комплексы. Умела видеть, когда один документ проходит под разными именами и датами. Она не представляла меня в суде. Помогала составлять запросы и сравнивать ответы.

Алина достала тонкий серый конверт. На нём почерком Дарьи было написано: «А. О. — исходники / не выводы».

Внутри лежали две страницы. На первой — перечень запросов: удостоверяющему центру, оператору личного кабинета, управляющей организации, суду о предоставлении электронных приложений в исходном виде. Рядом с каждым пунктом стояла дата и отметка: «получено», «неполно», «отказ — уточнить основание». На второй была таблица контрольных значений файлов. Никита узнал длинные строки из цифр и букв — Крылов использовал похожие при копировании карты памяти.

— Дарья считала контрольные суммы?

— Тех файлов, которые я ей пересылала. Чтобы потом было видно, если подменится копия.

— Ты отдала ей материалы дела?

— Копии. С закрытыми паспортными данными там, где они не нужны.

— Где оригиналы?

— У меня и у представителя.

Никита перелистнул таблицу. Внизу стояло: «Не устанавливает источник. Только тождество копий».

Рощина могла бы произнести точно так же.

— Когда ты видела Дарью в последний раз?

— В четверг вечером, в кофейне у комплекса. Она принесла этот конверт.

— Была напугана?

— Была злая.

— На кого?

— Не сказала. Спросила, получала ли я новые ссылки на подписание. Велела ничего не открывать из домового чата и пересылать заголовки сообщений представителю.

— Почему полиции не отдала?

— Отдала копии утром, после того как сообщили об исчезновении. Рощина знает.

Никита почувствовал знакомую смесь облегчения и обиды. Все знали куски истории и выдавали ему только тот, который считали безопасным.

— Тогда зачем позвала сейчас?

Алина достала из-под дивана синий пластиковый скоросшиватель.

— Потому что вчера я нашла это.

— «Вчера» — когда именно?

— После твоего звонка про второй пакет. Я решила ещё раз проверить всё, что присылала Дарья. Это не было в конверте. Файл сохранился в папке загрузок с датой четверга.

Она не дала ему скоросшиватель. Открыла ноутбук на столе, разбудила экран и показала каталог. В нём лежали письма, сканы и папка «174». Алина открыла свойства одного файла: обычный документ в формате PDF, сохранённый в четверг в 21:37.

— Откуда скачан?

— Из ссылки, которую прислала Дарья.

— Сообщение осталось?

— Да. Я выгрузила переписку и ничего не удаляла.

— Почему не открыла тогда?

— Открыла на телефоне. Там была таблица с моим делом. Я решила, что это копия уже известной сводки. На ноутбуке вчера увидела вторую страницу.

Никита наклонился ближе. Первая страница повторяла даты из Алиной папки: заявление, отмена приказа, иск, запросы. Во второй было всего пять строк. В верхней части стоял заголовок «Связанные обращения — проверка доступа». Названия были сокращены до инициалов, номера дел закрыты прямоугольниками. Строка Алины оставалась читаемой. В правом столбце — адреса, похожие на внутренние пути к файлам, и длинные контрольные значения.

Последняя строка была выделена жёлтым. В примечании значилось: «Карточка А. О. открыта служебной ролью после отзыва доступа. Сверить с журналом дела».

Ниже находилась синяя подчёркнутая надпись.

— Это ссылка? — спросил Никита.

— Да. Не внешняя страница с рекламой. Адрес начинается так же, как портал электронного дела, на который ведут уведомления суда. Но ссылка сейчас открывает сообщение, что доступ ограничен.

— Ты нажимала вчера?

— С отдельного браузера, без паролей. Представитель был на связи. Мы сохранили адрес и экран.

— Что в ней особенного?

— Если убрать служебный хвост, получается номер моего дела.

Никита сравнил цифры с копией иска. Совпадали.

— Дарья прислала тебе прямую ссылку на твоё дело?

— На карточку проверки доступа, связанную с ним. Возможно. Я не знаю, что было за ней в четверг. Сейчас там ничего доступного.

— Она откуда её взяла?

— Не знаю.

— Могла иметь законный доступ по работе?

— На тот момент уже нет. Компания расторгла с ней договор летом. По крайней мере, так она говорила.

— А «после отзыва доступа»?

— Это её запись в таблице. Не ответ системы и не заключение эксперта.

Он отодвинулся от экрана. В голове уже строилась удобная лестница: Дарья нашла чужой вход в дело Алины; тот же человек подделал долг; охрана комплекса защищала схему; чужой пакет привёз доказательства; после этого Дарья исчезла. Лестница была ровной и вела именно туда, куда ему хотелось.

Никита взял тетрадь и перечеркнул первую фразу, которую успел написать.

— Что там было? — спросила Алина.

— «Дарья нашла взлом».

— И?

— Мы этого не знаем. Есть файл, полученный от неё. В файле есть адрес карточки, связанной с твоим делом, и её замечание про служебную роль. Кто открыл, что открыл и законно ли — неизвестно.

Алина впервые за вечер кивнула без раздражения.

— Вот поэтому я тебя позвала. Не чтобы ты расследовал. Чтобы ты передал это Рощиной вместе с исходным сообщением.

— Ты сама можешь.

— Уже написала ей. Она едет.

Никита закрыл тетрадь.

— Значит, я здесь зачем?

— Чтобы она забрала и твои записи об угрозах.

— Это не связано.

— Может быть связано. Может быть нет. Пусть проверяет не твоя гордость.

— Я номера не помню.

— Ты сказал, что записал.

— В старом телефоне.

— Где он?

— В ящике дома.

— Поедем после Рощиной.

— У меня снята смена только до...

Алина ударила ладонью по расписке. Не сильно, но прозрачный файл скользнул к краю стола.

— Ты сейчас торгуешься за надбавку после того, как четыре месяца решал за меня, чего мне не надо знать?

— А ты четыре месяца решала то же за меня.

— Я скрыла свой долг, потому что думала, что справлюсь. Ты скрыл угрозу мне, потому что думал, что справишься за меня. Это не одинаково.

— Почему?

— Потому что мой стыд рисковал моей квартирой. Твоя тишина рисковала твоими ногами на дороге.

Он хотел сказать, что квартира была их единственным наследством, что после смерти матери Алина отказалась продавать её и выплатила ему долю частями, что чужой иск мог снова связать их деньгами, от которых они семь лет учились не зависеть. Но это объяснило бы только его страх, а не право молчать.

— Они больше не приходили, — сказал он.

— Откуда ты знаешь? Ты каждый день принимаешь чужие лица за фон.

В домофон позвонили. Алина посмотрела на экран трубки и открыла.

Рощина пришла одна, без формы, с серым чемоданчиком для носителей. Не сняв пальто, она попросила не закрывать на ноутбуке окна и не пересылать файл повторно. Алина показала исходное сообщение, свойства документа и сохранённый экран недоступной страницы. Следователь задавала вопросы коротко: кто первым получил файл, на каком устройстве, открывался ли он после четверга, менялось ли имя, делались ли копии.

— Я распечатала, — сказала Алина. — И сохранила на эту флешку.

— Флешку пока не подключайте. Оригиналом мы всё равно назовём не то, что лежит у вас, а экземпляр, полученный с сервера или устройства отправителя, если его удастся получить. Ваш файл важен как сохранённая копия с историей получения.

Рощина сфотографировала расположение документов, затем попросила Алину самой экспортировать переписку по инструкции Крылова. Контрольное значение вычислила на

чистом носителе и вписала в акт. Никита наблюдал, как личная ссора превращается в последовательность действий, где каждому предмету назначают предел.

— Запись «служебная роль после отзыва доступа» чья? — спросила Рощина.

— По оформлению — Дарья, — ответила Алина. — Она использовала такие жёлтые пометки и сокращение «сл. роль». Но подтвердить авторство я не могу.

— Вы видели, как она составляла эту таблицу?

— Нет.

— Адрес страницы проверяли через представителя?

— Да. Он подтвердил, что номер в адресе совпадает с делом. Больше ничего.

Рощина записала имя представителя и время разговора.

— Никита, вы что-то нашли в документе сами?

— Только номер Алиного дела в адресе. И то по её копии сравнил.

— Хорошо. Не открывайте ссылку на других устройствах. Проверим через официальный запрос, кому принадлежит домен, куда вела карточка и какие журналы доступа сохраняются.

— Если сохраняются, — сказал Никита.

— Если сохраняются.

Алина сложила руки на груди.

— Теперь он расскажет про людей у даркстора.

Рощина посмотрела на Никиту. Не удивилась — просто перевернула страницу блокнота.

Он пересказал оба звонка и визит. В первый раз мужчина представился сотрудником службы урегулирования, назвал полное имя Алины и сумму без штрафов. Во второй звонивший спросил, часто ли Никита ездит ночью. Через два дня у служебного входа даркстора его ждали двое. Один говорил, второй стоял рядом с мопедом и не снимал шлем. Фразу про аварии произнёс первый.

— Узнаете? — спросила Рощина.

— Не уверен.

— Был в форме охраны у калитки?

Никита представил мужчину на шестнадцатом этаже: гладко выбритый подбородок, куртка без нашивки, привычка стоять боком к камере. Затем человека у даркстора: тёмная кепка, поднятый воротник, мокрый асфальт под фонарём.

— Похож рост и голос, — сказал он. — Этого недостаточно. Тогда я смотрел больше на второго и на номер мопеда.

— Номер записали?

— Частично. Старый телефон дома.

Рощина выписала адрес.

— После оформления проедем вместе. Телефон передадите добровольно либо сделаем копию нужных данных при вас. Всё остальное смотреть без основания не будем.

Никита подумал о переписках, черновиках, фотографиях заказов, которые сохранял для споров с поддержкой. Ещё утром мысль отдать телефон показалась бы вторжением. Теперь за каждым сохранённым файлом стоял вопрос: кому его молчание помогает больше.

— Добровольно, — сказал он.

Алина отвернулась к окну.

— А мою расписку вы заберёте?

— Ваш представитель уже передал копию в рамках проверки обращения. Сейчас я приложу только те материалы, которые относятся к обстоятельствам исчезновения Ведениной и возможному давлению. Сам спор о долге решается отдельно. Не смешивайте наши действия с доказательствами по гражданскому делу.

— Но Дарья занималась им перед исчезновением.

— Это делает дело значимым для проверки её контактов. Не делает взыскателя виновным в её исчезновении.

Алина кивнула, однако расписку убрала в отдельную папку, словно документ снова попытался перейти границу.

Пока Рощина заполняла акт, Никита вышел на кухню. Телефон в авиарежиме показывал семь пропущенных уведомлений приложения: три свободных слота, предупреждение о снижении активности и предложение вернуться на линию с повышенным коэффициентом. Он выключил экран.

Алина встала рядом.

— Я не просила Дарью рисковать, — сказала она тихо.

— Что именно она делала рискованного?

— Не знаю. В этом и проблема. Она говорила, что проверяет доступы законным запросом. Потом принесла файл, который не должна была иметь, если её доступ отозван. Может, ей его прислал кто-то ещё. Может, таблица вообще про другое.

— Ты думаешь, она исчезла из-за тебя?

— Я думаю, человек способен приклеить причину к последнему разговору, потому что иначе страшнее.

Никита вспомнил лифт: кнопка 1, уровень П, два возможных выхода. Память любила маршрут без развилок. Вина — тоже.

— Она помогала не только тебе.

— Знаю.

— И ушла не обязательно из-за долгов.

— Знаю.

Они стояли плечом к плечу и не смотрели друг на друга. Через стену Рощина просила принести пустой конверт для носителя.

— Я верну тебе надбавку, — сказала Алина.

— Не надо.

— Ты уже посчитал.

— Посчитал. Не значит, что выставил счёт.

— Ты всегда выставляешь его молча.

Никита хотел возразить, но вместо этого достал из рюкзака тетрадь. На новой странице написал дату августовского визита, примерное время и всё, что помнил о мопед. Чёрный корпус, короб с царапиной в форме дуги, последние две цифры номера — возможно, семь и четыре. Рядом поставил вопросительные знаки.

— Ты права, — сказал он. — Я решил, что если не отвечу, они исчезнут.

— Я решила то же про иск.

Это было не примирение. Просто две расписки без подписей, предъявленные одновременно.

Рощина закончила упаковку копии и дала Алине прочитать акт. В приложении перечислялись файл, выгрузка сообщения, снимки экрана и таблица контрольных значений. Формулировка занимала почти страницу и не содержала ни «подлога», ни «взлома», ни «преследования Дарьи».

— А ссылка? — спросил Никита.

— Зафиксирована полностью в закрытом приложении. В материалах, которые могут показывать посторонним, номер дела будет скрыт.

— Что она доказывает сейчас?

— Что в полученном Алиной файле есть адрес, структурно связанный с номером её дела. Также в файле есть неподтверждённая пометка о доступе служебной ролью. Происхождение

файла, авторство пометки, содержание страницы в четверг и факт чужого доступа ещё проверяются.

— А для исчезновения?

— Доказывает, что Дарья не позднее четверга передала Алине материал по её спору. Это устанавливает контакт и направление работы Дарьи. Причину её ухода не устанавливает.

Рощина защёлкнула чемоданчик.

— По дороге за телефоном заедем к представителю Алины. Мне нужна подтверждённая копия номера дела и перечень уже поданных ходатайств. Алина, вы остаётесь здесь. Никита, со мной.

У двери Алина сунула брату синий скоросшиватель.

— Это копии для тебя. Без персональных данных других людей.

— Зачем?

— Чтобы в следующий раз ты не узнавал о моей жизни по чужому пакету.

Он взял папку, но не положил в рюкзак.

— В следующий раз скажешь сама.

— Если ты тоже.

На лестнице Рощина шла впереди, не оборачиваясь. У второго этажа она остановилась и показала Никите сообщение, только что пришедшее от Крылова. Специалист проверил технические свойства Алиного файла: документ был создан раньше четверга, но время создания внутри PDF не считалось надёжным — его задавала программа на устройстве автора. Зато адрес страницы и номер дела извлекались из текста без перехода по ссылке.

— Значит, ссылка настоящая? — спросил Никита.

— Значит, она действительно записана в этой копии, — ответила Рощина. — Остальное — запросы.

Во дворе стемнело. В мастерской погас свет, и окна Алины отразились в чёрном стекле второго этажа, хотя находились на четвёртом. Никита отметил это машинально: отражение давало верный свет и неверное место.

У машины он открыл тетрадь. Под утренней записью о лифте добавил:

«Дарья передала Алине файл по её делу в четверг. В файле — проверяемая ссылка на карточку с номером дела и неподтверждённая пометка о служебном доступе. Не доказано: кто создал файл, кто открывал карточку, что было по ссылке, связано ли это с уходом Дарьи».

Ниже записал августовскую фразу про аварии и поставил рядом: «Скрывал от Алины».

Эта улика была не о людях у даркстора. Она была о нём самом.

Рощина уже села за руль. Никита убрал тетрадь, придержал дверь машины и в последний раз посмотрел на Алины окна. За шторами двигалась её тень — обычная, домашняя, живая. Четыре месяца он считал, что защищает эту жизнь, оставаясь снаружи.

Теперь у него была ссылка на дело, которую можно проверить, и расписка, которую ещё предстояло оспаривать.

А между ними — молчание, подписанное обоими.

Глава 6. Камера у груди

Старый телефон лежал там, где Никита и сказал: в нижнем ящике письменного стола, под квитанциями и запасными спицами. Но когда он выдвинул ящик при Рощиной, первым увидел не телефон, а карту памяти в пластиковом переходнике.

На белой наклейке стояло: «май — июль».

— Это от камеры? — спросила Рощина.

— Старая. Я менял карты каждые два месяца, если начинались ошибки.

— Почему не форматировали?

— Думал проверить на компьютере. Потом забыл.

Рощина не потянулась к карте.

— На ней могли быть съёмки из «Маяка-12»?

— Я возил туда с весны.

— И квартиры жильцов?

— Подъезды, двери, иногда прихожие. Если человек открывал быстро.

— Тогда пока оставьте на месте.

Никита держал ящик открытым. В нескольких сантиметрах от его пальцев лежали месяцы повторяющегося маршрута. Свет в холле, лица охранников, жёлтый плащ до пятницы, Дарья у двери, чужие пакеты. Всё, что они пытались восстановить по обрывкам, могло уже храниться здесь.

— Вы не заберёте?

— Не без определения объёма и основания. Нам нужна карта по пятничному событию, она уже исследуется. Здесь — массив частной жизни людей, которые не имеют отношения к проверке.

— Но там может быть Дарья.

— «Может быть» не разрешает смотреть всё подряд.

— Вы вчера получили её поисковый материал с Алиным делом.

— Конкретный файл, конкретное сообщение и согласие получателя. Это не то же самое, что два месяца чужих дверей.

Рощина попросила его закрыть ящик и перейти к телефону. Никита ввёл код сам. Они сели за стол так, чтобы экран оставался перед ним. Следователь продиктовала порядок: открыть заметки, найти записи по дате августовского визита, показать только подходящие строки. Никита нашёл обрывок номера мопеда — «...74, чёрный короб, дуга справа» — и два входящих номера. Рощина переписала их, затем попросила выгрузить историю соединений за указанные дни.

В галерее обнаружилась фотография служебного входа даркстора. Никита сделал её после ухода мужчин, снимая не людей, а лужу с масляным радужным пятном: хотел отправить управляющему сменой жалобу на протечку мопеда. В дальнем углу кадра стоял тот самый чёрный короб. Номер попадал в отражение стеклянной двери, перевёрнутый и размытый.

— Не увеличивайте на телефоне, — сказала Рощина. — Скопируем исходный файл и отдельно зафиксируем, что именно вы увидели сейчас.

— Там можно прочесть?

— Пока вижу два или три знака. После обработки станет понятнее, но обработка не создаст отсутствующие детали.

Он передал фотографию по кабелю на чистый накопитель Крылова, который Рощина достала из чемоданчика. Контрольное значение записали в акт. Старый телефон остался у Никиты: нужные данные скопировали при нём, а забирать всё устройство следователь не стала.

— И карту оставим? — спросил он, когда Рощина закрывала чемодан.

— Сегодня — да. Не просматривайте её.

— Это просьба или запрет?

— С точки зрения расследования — требование не менять потенциально значимый носитель. С точки зрения жильцов — напоминание, что камера на вашей груди не сделала их жизнь вашей собственностью.

Она ушла ближе к полуночи. Никита закрыл дверь на оба замка, вернулся к столу и снова открыл ящик.

Карта лежала над квитанциями, как короткий ответ, от которого его отделяла только пластиковая крышка ноутбука.

Он не вставил её. Переложил в бумажный конверт, подписал время обнаружения и заклеил одним куском скотча. Получилось самодельно и юридически бессмысленно, но теперь, чтобы нарушить обещание, пришлось бы сначала разорвать собственную подпись.

Утром камера вернулась из исследования в прозрачном пакете. Крылов привёз её в отдел и показал Никите заключение до передачи. Корпус не вскрывали раньше них; следов подключения к разъёму в интересующий период установить не удалось. Карта имела ошибки чтения и сбойную таблицу размещения файлов. Часть пропусков могла возникнуть при зависании питания, часть — при последующей циклической записи. Умышленное удаление не подтверждалось, но и полностью исключить отдельные действия без исходного состояния носителя до пятницы было нельзя.

— То есть она сломалась сама? — спросил Никита.

— Так в заключении не написано, — ответил Крылов. — Написано, какие признаки найдены и каких нет.

Рощина положила рядом лист с перечнем скопированных фрагментов.

— Камеру возвращаем. Карту пока приобщаем с вашего согласия. Для работы выдаём новую, купленную отделом и запечатанную. Стоимость вам не вменяется.

— Я могу снова снимать?

— По правилам вашей службы и закона. Но материал пятницы не даёт вам права собирать частный архив жильцов.

— Я его и не собирал специально.

— Намерение важно не во всех последствиях.

Крылов включил камеру без карты и показал, что внутренние часы сброшены. Затем при Никите установил точное время и новую карту, сделал контрольный ролик с настенными часами и записал серийные номера.

— Если продолжите использовать её в работе, не пытайтесь воспроизвести повреждение, — сказал он. — Не выдёргивайте питание, не заполняйте карту искусственно. Это испортит устройство и ничего не докажет о пятнице.

— А старую карту из дома можно исследовать тем же способом?

Рощина посмотрела на него.

— Вы её нашли?

Он рассказал про конверт.

— Хорошо, что не открыли. Составим отдельное заявление и решим, можно ли сузить просмотр по датам, событиям или техническим признакам. Просто принести карту недостаточно: нужно понимать, что именно мы ищем и почему вмешательство соразмерно.

— Маршруты в «Маяк-12».

— Это место, не событие.

— Дарью до исчезновения. Мужчину без нашивки. Женщину в жёлтом.

— Это уже три разных задачи. По каждой нужны временные границы и связь с проверяемыми обстоятельствами.

Никита открыл тетрадь. Он привык записывать детали, а не основания. Теперь рядом с каждым пунктом приходилось отвечать: почему этот кадр можно искать и кого поиск заденет.

Телефон Рощиной завибрировал. Она прочитала сообщение и повернула экран к Крылову, не к Никите.

— Домовой чат снова разогнал запись, — сказала она.

— Какую?

— С камеры двери квартиры 168. Вечером пятницы по коридору проходит женщина в жёлтом плаще. Хозяин предлагает вам полную выгрузку за месяц.

Никита уже доставал телефон.

— Кто хозяин?

— Не имеет значения. Вы не будете с ним связываться.

— Там общий коридор.

— Камера установлена у частной двери и пишет не только проход, но звук и вход в соседние квартиры. В опубликованном фрагменте уже виден ребёнок из 169-й. Полную выгрузку мы запросим сами, если установим её относимость и законность получения.

— Но пятничный фрагмент уже опубликован.

— Публичность нарушения не даёт вам дополнительного права его размножать.

— Я могу посмотреть чат как участник.

— Можете. И через пять минут начать узнавать соседей по пакетам, голосам и дверям.

После этого вы не сможете отделить то, что помните по работе, от того, что увидели в чужом архиве.

Это возражение задело сильнее правового. Никита уже однажды склеил два этажа в один маршрут. Теперь ему предлагали ещё сотни картинок, каждая из которых могла незаметно притвориться его собственной памятью.

— Дайте хотя бы время прохода.

— В публикации стоит 22:27, но часы камеры не сверены. Хозяин утверждает, что женщина — Дарья. Лицо не видно. Цвет плаща совпадает. Пока это всё.

— В 22:27 Дарья могла уже уйти.

— Могла. Или запись сделана в другое время. Или это другой человек. Мы получим исходный файл, модель устройства, настройки часов и согласие владельца. Вы получите только выводы, которые относятся к вашим действиям.

Никита защёлкнул крышку камеры.

— Вы всё время отрезаете меня от единственного, что я умею делать.

— Что именно вы умеете?

— Сравнить маршрут. Я знаю, где обычно горит свет, кто держит дверь, сколько едет лифт, куда ставят пакеты.

— Тогда сравнивайте маршрут, а не людей у них дома.

Рощина взяла чистый лист и провела вертикальную черту.

— Слева — общие и служебные зоны, состояние которых можно фиксировать без охоты за жильцами: калитка, холл, лифтовое табло, маршруты курьера, отметки приложения, ваши собственные действия. Справа — частные квартиры, разговоры за дверью, лица посетителей, содержимое заказов, домашние камеры. Что из вашего списка остаётся слева?

Никита написал: калитка, нижний выход, пассажирский и грузовой лифты, служебная дверь шестнадцатого этажа, место велосипеда, вход даркстора, упаковка без данных клиента.

— Пакет у двери? — спросил он.

— Если он попал в ваш рабочий кадр при доставке и нужен для установления вашего маршрута — узкий фрагмент может быть значим. Если вы начинаете снимать все пакеты жильцов, чтобы искать совпадения, — нет.

— Домовой чат?

— Источник заявлений, не склад готовых доказательств. Сохраняйте ссылки на сообщения, которые люди сами направляют вам по делу, но не выгружайте историю и не составляйте досье.

— Разговор с консьержем?

— Можно спросить, что он видел в общих зонах, не показывая ему частные кадры и не называя человека, которого хотите услышать. И помните предел свидетельства.

На листе оставалось достаточно точек, чтобы построить маршрут. Но исчезала самая удобная: посмотреть месяц чужих дверей и найти знакомую походку.

— Если из-за этого мы упустим лицо?

— Тогда мы заплатим временем за допустимый способ получить запись, — сказала Рощина. — Быстрый ответ, добытый вторжением, может разрушить и дело, и чужую жизнь. Вы уже видели, как непроверенный ролик превращает женщину в пропавшую только из-за плаща.

К полудню Никита вернулся на линию. Камера снова ощущалась на груди непривычно тяжёлой. Раньше он включал её у входа в даркстор и забывал до конца смены. Теперь перед каждой дверью видел на воображаемом листе левую и правую колонки.

В первом заказе мужчина открыл дверь в халате, за его спиной плакал ребёнок. Никита опустил корпус камеры к пакету, дождался кода и отвернулся, пока клиент искал телефон. Во втором женщина попросила войти и поставить воду на кухню. Он выключил запись до порога, вслух отметил время и включил снова в общем коридоре.

Это замедляло. Приложение дважды предупредило о долгой передаче. За три часа он заработал меньше обычного и впервые понял цену правила не как нравственную фразу, а как минуты, которые система сразу переводила в рубли.

У «Маяка-12» его ждал мужчина лет шестидесяти в вязаной шапке. Представился Глебом Костровым, бывшим консьержем башни Б.

— Мне сказали, ты ищешь женщину в плаще, — начал он.

— Кто сказал?

— Чат сказал. Там теперь все всё говорят.

Никита включил камеру, направив объектив в землю.

— Я не могу показывать вам записи жильцов или спрашивать про их квартиры. Если вы сами хотите сообщить полиции, что видели в общей зоне, я дам номер следователя.

— Полиции я уже сообщил. Молодая записала, но не поняла. Я по лицам плохо различаю. По ногам — хорошо.

— По походке?

— По шагам. Двадцать лет за стойкой. Кто каблук тащит, кто носок ставит, кто перед дверью замедляется.

Никита вспомнил указание Рощиной не называть желаемый ответ.

— Что вы наблюдали в пятницу?

— В какую пятницу?

— Когда исчезла Дарья Веденина.

Костров поморщился.

— Вот уже подсказал имя. Надо было спросить про смену.

— Тогда расскажите без моих версий.

Старик сел на скамью у калитки. В пятницу он подменял ночного дежурного с девяти до одиннадцати, хотя официально уже не работал: Мельников попросил посидеть, пока относил лекарства жене. Запись в журнале подмены была, но Костров не знал, сохранился ли лист.

Около половины одиннадцатого через холл быстро прошла женщина. Плащ Костров запомнил жёлтым, лицо — нет. Она не пошла к главному выходу, а свернула к проходу между башнями.

— Что было необычного в шагах? — спросил Никита.

— Дарья перед правой ногой чуть ставила пятку наружу. Эта шла ровно. Быстро, но не бежала.

— Вы уверены, что знаете походку Дарьи?

— Я ей полгода дверь открывал.

— Могла идти иначе из-за обуви или спешки?

— Могла. Потому я и сказал вашей следовательнице: плащ Дарьин, ноги не ручаюсь чьи.

— Вы видели женщину раньше?

— Может, диспетчерша. Она ходит коротко, будто пол скользкий. Но если ты сейчас имя назовёшь, я соглашусь и совру сам себе.

Никита записал дословно последнюю фразу.

— Камера двери 168 могла снять этот проход?

— Могла. Она весь коридор берёт. И половину чужой прихожей, когда дверь напротив открыта. Жильцы ругались.

— Кто имел доступ?

— Хозяин и сын. Может, монтажник. Я не знаю.

Костров достал кнопочный телефон и показал номер Рощиной в исходящих. Звонок был вчера в 18:12.

— Больше ничего не вспоминайте по ролику из чата, — сказал Никита. — Если полиция вызовет, расскажите то, что помнили до него.

— Уже поздно. Я ролик два раза видел. Теперь в голове женщина всегда идёт в жёлтом прямоугольнике.

Эта честность сделала его слова слабее и ценнее одновременно.

Никита позвонил Рощиной при Кострове. Следователь подтвердила, что объяснение старика принято, журнал подмены запросили, а повторно опрашивать его без новых данных не нужно.

— Не показывайте ему ничего, — добавила она.

— Я не показывал.

После звонка Костров указал на нагрудную камеру.

— А она сейчас меня пишет?

Никита посмотрел на мигающую красную точку. Объектив был направлен вниз, но голос сохранился.

— Да. Я должен был предупредить сразу.

— Тогда сотрёшь?

Раньше Никита ответил бы, что цикл сам перезапишет через трое суток. Теперь выключил запись и отметил номер файла.

— Не буду использовать без вашего согласия. Если Рощиной понадобится именно наш разговор, она свяжется с вами и получит его установленным порядком.

— А стереть?

— Я не хочу менять карту во время проверки работы камеры. Могу при вас записать отказ от передачи и закрыть файл от выгрузки.

Костров подумал.

— Голос оставь для полиции. Лицо моё никому в чат не суй.

— Договорились.

Никита записал согласие отдельным коротким файлом, назвав дату, место и цель. Это не превращало разговор в безупречное доказательство, но хотя бы не оставляло старика внутри кадра без права голоса.

Следующий заказ пришёл в башню А. Пока Никита ждал лифт, в чат комплекса упал новый фрагмент с двери 168. Уведомление показывало миниатюру: жёлтое пятно, серый коридор, отметка 22:27. Палец завис над экраном.

Он мог открыть ролик без переписки с владельцем. Мог посмотреть только один раз, не сохранять, никому не пересылать. Через минуту знать, ставит ли женщина правую пятку наружу.

Лифт приехал. В зеркальной стене он увидел камеру на своей груди и телефон в руке. Красная точка мигала, снимая человека, который собирался нарушить правило в одиночестве, потому что так нарушение казалось меньше.

Никита смахнул уведомление, не открывая. Сделал снимок экрана только с адресом сообщения, временем публикации и именем отправителя, затем переслал Рощиной как указатель на источник. Сам ролик не загружал.

Ответ пришёл после доставки: «Получили исходный файл добровольно. Не смотреть копии. Часы камеры отстают на 6 мин 12 сек по контрольному звонку домофона. Фактическое время прохода примерно 22:33, погрешность уточняется».

В 22:33 Никита уже принял следующий заказ и открывал велосипедный замок у комплекса. Женщина в жёлтом прошла после его ухода. Это не объясняло, кого он видел через стекло раньше, но отделяло два события, которые чат слил в одно.

Он позвонил Рощиной.

— Лицо видно?

— Нет.

— Походка?

— Экспертного сравнения не проводили. Костров до публикации описал различие, но после просмотра ролика его память загрязнена новой информацией. Проверяем другие способы установить женщину.

— Какие?

— Служебный график, журнал прохода между башнями, транспортная карта, добровольные объяснения. То, что находится в вашей левой колонке.

— У меня есть ещё одна точка. Проход между башнями ведёт к диспетчерской?

— Ведёт к общему служебному коридору. Диспетчерская — одна из дверей.

— Значит, можно проверить, кто был на смене.

— Уже запросили.

— Вера Сафонова?

На другом конце возникла пауза.

— Откуда имя?

— Костров сказал «может, диспетчерша», но сам предупредил, что после подсказки согласится с чем угодно. Имени не называл. В домовом списке дежурных я раньше видел Веру Сафонову, когда спорил из-за велосипеда. Это моя память, не его опознание.

— Так и запишем. Не связывайтесь с ней. Сегодня она не вышла на смену, телефон недоступен.

— Ещё одна пропавшая?

— Ещё один человек, с которым пока нет связи. Не называйте её пропавшей.

Никита прислонился к стене лифтового холла. За дверьми двигались кабины, цифры вспыхивали не по порядку. Неделию назад любое исчезновение из поля зрения казалось ему одним и тем же событием. Теперь каждое требовало отдельного глагола: ушла, не вышла, не ответила, скрылась, пропала. Ошибка начиналась раньше вывода — в выборе слова.

— Что мне делать? — спросил он.

— Работать. И если хотите помочь — составьте схему только собственных пятничных перемещений с опорой на приложение, замок и общие зоны. Без домыслов о жильцах. Завтра сверим с журналами служебных дверей, если их выгрузят.

— А старая карта?

— Привезите запечатанный конверт утром. Крылов попыбует выделить только даты ваших доставок Дарье и технические характеристики файлов. Просмотр посторонних эпизодов исключим протоколом и фильтрами, насколько это возможно.

Цена запрета оказалась не только в потерянной надбавке. Полную карту могли не посмотреть вовсе. Некоторые лица так и останутся неузнанными, разговоры — неслышанными, двери — закрытыми. Никита ждал ощущения поражения, но почувствовал другое: маршрут стал уже, зато перестал расплзаться на чужие жизни.

После смены он сел в круглосуточной пекарне у трамвайного кольца. На обороте листа Рощиной провёл линию пятницы.

22:06 — «Прибыл» у перекрёстка.

22:08 — велосипед закрыт.

22:14 — «Передал» у двери 174.

22:18 — велосипед открыт.

22:19 — принят следующий заказ.

Рядом перечислил только места: калитка, холл, пассажирский лифт, шестнадцатый этаж, возможная остановка на П, нижний выход, велосипед. Ни одного имени, кроме собственного. Для каждого места оставил пустую строку под независимое подтверждение.

Отдельно записал: «Женщина в жёлтом на камере 168 прошла около 22:33, после моего ухода. Не установлена. Не смешивать с женщиной, виденной раньше через стекло».

Внизу сформулировал правило:

«Ищу не того, кого удобнее подозревать, а событие, которое можно проверить без вторжения в чужую квартиру».

Он сфотографировал лист и отправил Рощиной. Потом написал Алине: «Телефон отдал на копирование частично. Угрозы зафиксированы. Про карту тоже сообщил».

Ответ пришёл быстро: «Вот теперь сам сказал».

Никита убрал телефон. Камера на груди была выключена. За соседним столиком девушка читала сообщение и улыбалась, мужчина у витрины пересчитывал мелочь, продавщица поправляла пластырь на пальце. Ещё вчера всё это могло попасть в его архив просто потому, что он проходил мимо.

Он видел их.

И впервые не считал это правом сохранить.

Глава 7. Повтор пятницы

Утром Рощина принесла не ответы, а три листа с разными часами.

На первом стояли отметки приложения Никиты: прибыл в 22:06, передал в 22:14, принял следующий заказ в 22:19. На втором — журнал велосипедного замка: трос закрыт в 22:08, открыт в 22:18. Третий был выгрузкой служебных событий «Маяка-12». В нём время шло ровными строками, будто в пятницу никто не исчезал, не лгал и не ошибался.

Они сидели в маленькой комнате управляющей компании. За стеклянной перегородкой диспетчер отвечал жильцам, принтер выплёвывал квитанции, на стене мигала схема двух башен. Никита положил рядом свой нарисованный в пекарне маршрут.

— Сначала поправки, — сказала Рощина. — Камера на вашей груди спешила на минуту девятнадцать. Камера квартиры сто шестьдесят восемь отставала на шесть минут двенадцать секунд. Время приложения считаем опорным, но не абсолютным: событие создаётся нажатием, а отправиться на сервер может позже. Замок пишет своим модулем, его вчера сверили. Расхождение меньше двух секунд.

Она провела пальцем по листам.

— Поэтому никакого общего столбца «время» у нас нет. Есть источник, его часы, поправка и погрешность. Если кто-нибудь сведёт всё до минуты без указания источника, получится красивый, но ложный маршрут.

— Я так и сделал в голове, — сказал Никита.

— Все так делают. Поэтому мы сейчас не вспоминаем пятницу. Мы проверяем, что от неё осталось независимо от вашей памяти.

Инженер Мазин вошёл с ноутбуком и связкой обезличенных сервисных карт. За ним появился управляющий башнями Борис Мельников — тот самый, которого Костров подменял у стойки. Мельников выглядел так, будто его вызвали отвечать за дождь: виноватым заранее, но не по собственной воле.

— Я дал журналы только по запросу, — сообщил он прежде, чем сел. — Квартирные события там не показываются. Только общедомовое оборудование.

— Так и требуется, — ответила Рощина. — Нас интересуют общие и служебные зоны. Мельников посмотрел на Никиту.

— А курьер зачем?

— Воспроизводит собственный маршрут. Он не получает выгрузку и не фотографирует экран.

Никита вынул телефон и положил его дисплеем вниз. Нагрудную камеру оставил в рюкзаке. Сегодня запись вела Рощина — общий план комнаты, листы и руки, без экранов с данными жильцов.

Мазин открыл таблицу.

— Оперативного журнала пассажирского лифта за ту дату нет. Остались события контроллера служебных дверей и архив диспетчерских команд. Сырые идентификаторы карт заменены номерами. Владельцев полиция получает отдельно, если будет основание.

На экране появились строки пятницы. Никита увидел знакомую дату и поймал себя на желании искать нужное время, не читая названий колонок.

— Не показывайте пока интервал, — сказал он.

Рощина подняла глаза.

— Почему?

— Я опять подгоню путь. Давайте сначала пройдем его с тем, что у меня было: приложение и замок. Запишем, сколько занимают варианты. Потом откроем журнал.

Мазин пожал плечами. Мельников недовольно покосился на часы.

— Это займёт полдня.

— В пятницу у меня всё заняло десять минут, — сказал Никита. — Если мы сейчас найдём единственный удобный вариант за десять минут, я поверю ему только потому, что он удобный.

Рощина закрыла ноутбук.

— Идём.

У калитки Никита остановился там, где обычно нажимал «Прибыл». До входа оставалось больше ста метров: перекрёсток, карман для машин, дорожка вдоль ограды. В пятницу он торопился сохранить показатель, поэтому отметил прибытие заранее. Сегодня Рощина запустила секундомер.

До велостойки они дошли за минуту сорок восемь секунд. Никита застегнул свой трос, не изображая спешку.

— В пятницу замок закрылся в 22:08, — напомнила Рощина. — Значит, отметка приложения не говорит, что вы уже вошли.

— И две минуты между «прибыл» и замком — не ожидание у двери.

— Верно.

Калитка заела с третьей попытки. Мельников хотел помочь, но Никита остановил его.

— В пятницу вы за мной не стояли.

Он повторил движение: потянуть створку на себя, приложить гостевой код, потом толкнуть плечом. В холле было светлее, чем ночью. На глянцевой панели напротив лифтов отражались стойка консьержа, проход между башнями и кусок стеклянной входной двери. Лица превращались в бледные овалы.

Никита встал на место, где ждал кабину в пятницу.

— Женщину в жёлтом я видел сначала здесь. Не прямо. В стекле или в панели — раньше говорил по-разному.

— Что можно проверить? — спросила Рощина.

Он обошёл площадку, не заглядывая за стойку.

— Только границы отражения.

Мазин по просьбе Рощиной прошёл от входа к переходу между башнями. Его куртка появилась сначала в стеклянной двери, затем в чёрной панели лифта. На коротком участке отражения накладывались: человек, который уже свернул к переходу, казался стоящим у выхода.

— Цвет виден, — сказал Никита. — Направление можно перепутать. Лицо — тем более.

Рощина записала это, не делая вывода о пятничной фигуре.

Пассажирский лифт пришёл через сорок секунд. Они поднялись на шестнадцатый. Никита нёс два пустых пакета того же размера, которые Сева выдал для воспроизведения. На площадке разошлись: Мельников и Мазин остались у лифта, Рощина встала в общей зоне так, чтобы видеть Никиту, но не внутренность квартиры 174.

Дверь была опечатана после осмотра, и входить они не собирались. Никита дошёл до неё, поставил пакеты на коврик и поднял руку, вспоминая, где держал телефон.

— Отметку «Передал» я нажал здесь. Дарья попросила сделать это сразу.

— Вы видели, как оба пакета оказались внутри? — спросила Рощина.

— Нет. Последний целый файл показывает, что я вошёл в лифт с обоими. Дальше я помню её в дверях и два пакета в руках, но запись повреждена. Это память.

— Что вы можете утверждать без неё?

— Что в 22:14 создал событие передачи. Что к 22:18 открыл велосипед. И что в последнем целом кадре перед разрывом у меня были оба пакета.

Он поднял ручку двери и толкнул её через защитную накладку, не нарушая печати. Полотно дрогнуло и вернулось, не защёлкнувшись до конца.

— Вот это я раньше считал закрытой дверью, — сказал он. — Но замок берёт только после подъёма ручки и сильного толчка.

Мельников нахмурился.

— Заявка на регулировку была.

— Когда? — спросила Рощина.

— Надо смотреть.

— Не вспоминайте. Посмотрите потом по журналу заявок и передайте официально.

Никита повторил путь до лифта. Если кабина ждала, от двери до первого этажа и калитки он успевал за три минуты с небольшим. Если кабина уходила на уровень П по приоритетному вызову, добавлялось от сорока секунд до двух минут. Если он выходил на П и шёл к рампе, велосипед оказывался рядом ещё быстрее, чем через главный холл.

Ни один вариант не требовал двадцати одной минуты, которые отсутствовали на карте камеры. Разрыв записи был шире реального пребывания в комплексе и захватывал путь до и после него. Это делало повреждение неудобным для расследования, но не превращало десять минут в двадцать одну.

На уровне П пахло влажным бетоном и нагретой проводкой. Никита дошёл до места, откуда виделась служебная дверь. В пятницу там стоял мужчина без нашивки. Сегодня у двери был только серый доводчик.

— Я мог принять остановку здесь за первый этаж, — сказал Никита. — Но если выходил, почему не помню рампу?

— Мы не обязаны выбрать вариант только потому, что один кажется знакомее, — ответила Рощина. — И журнал двери может показать открытие, но не ваше присутствие.

Они вернулись в комнату управляющей компании. На повтор ушло сорок семь минут, зато теперь у Никиты было пять измеренных вариантов вместо одного воспоминания.

Мазин снова открыл таблицу. Рощина попросила вывести только устройства, относящиеся к их схеме: переход между башнями, нижний уровень, служебная дверь шестнадцатого этажа и общий датчик состояния входной группы квартиры 174.

— Как квартирная дверь оказалась в общедомовом журнале? — спросил Никита.

Мельников ответил не сразу.

— После жалобы на заедание поставили временный радиодатчик. Он не камера и не замок. Показывает только открыто или закрыто, чтобы техник понимал, повторяется ли неисправность. Согласие собственницы в заявке есть.

— Датчик видит, кто открыл?

— Нет.

— Изнутри или снаружи?

Мазин приблизил схему.

— Напрямую нет. Только момент изменения положения полотна. Но есть разница между открытием ключом и нажатием внутренней ручки, если замок был заперт: контроллер замка отдаёт отдельное событие. В ту неделю его подключили к тому же тестовому шлюзу.

Рощина остановила его:

— Уточним границу. Система не записывает действие человека. Она получает сигнал механизма.

— Да. И если дверь не заперта, направления вообще не определить.

Никита почувствовал, как готовый вывод появляется раньше строки: Дарья открыла изнутри. Он отодвинул стул.

— Сначала покажите, когда дверь считалась запертой.

В 22:11:46 по часам шлюза замок перешёл в состояние «закрыт», но датчик полотна ещё дважды показывал короткий разрыв контакта. В 22:14:31 полотно открылось, затем закрылось

только со второй попытки. Это совпадало с доставкой, хотя секунды нельзя было привязать к нажатию Никиты в приложении без погрешности.

В 22:21:08 пришло событие «внутренняя ручка», следом — «полотно открыто». Через девять секунд дверь закрылась. В 22:21:24 контакт снова разошёлся на три секунды и восстановился.

В комнате стало тихо. Даже принтер за стеклом перестал стучать.

— После моего ухода, — сказал Никита.

— После открытия вашего замка велосипеда в 22:18, — уточнила Рощина. — Между этими событиями больше трёх минут. Вы могли ещё находиться снаружи комплекса, но у квартиры уже не были, если журнал замка и измеренный путь верны.

— Внутренняя ручка означает, что кто-то был в квартире.

— Или воздействовал на механизм со стороны квартиры. Кто именно — журнал не знает. Мельников провёл ладонью по лицу.

— А утром дверь была открыта. Значит, датчик врал.

Мазин покачал головой.

— Утреннее состояние есть отдельной строкой. После пятничного события дверь числилась закрытой. В 06:42 контакт начал дребезжать, потом остался разомкнутым. Но замок не переходил в «открыто ключом». Могла не защёлкнуться после толчка или её открыли внутренней ручкой. Нужно осматривать механизм, а не гадать по одному контакту.

Никита смотрел на 22:21:08. Если Дарья ушла до его доставки, как утверждала одна соседка в чате, квартира не была пустой. Если ушла после, то именно тогда могла выйти. Если внутри оставался другой человек, он мог открыть дверь вместо неё. Строка разрушала удобную версию и не выбирала новую.

— Есть что-то в общей зоне в эти секунды? — спросил он.

Рощина не ответила сразу. Она перевернула лист и нарисовала две колонки, как вчера: допустимо и частное.

— Общая камера площадки не работает с весны. Частную запись сто шестьдесят восьмой квартиры мы не будем просматривать целиком. Владелец добровольно передал исходные файлы за узкий интервал, полиция выделила только участок общей площадки с маскированием проёма его квартиры. Крылов подготовил техническое описание. Вам показывать видео не обязаны.

Никита понял, что она проверяет не любопытство, а выбор.

— Тогда не показывайте. Скажите, что на нём можно установить.

— Я могу сказать сейчас только то, что зафиксировано протоколом. В 22:21 по скорректированному времени в зеркальной накладке лифтового портала появляется отражение фигуры. Сам человек находится вне выделенного кадра. Видны часть плеча, рука и светлый край одежды. Лица нет. Рост и пол надёжно не определяются. Фигура движется от квартиры сто семьдесят четыре к служебной двери.

— Жёлтый плащ?

— Цвет края меняется от почти белого до жёлтого из-за ночного режима и света площадки. Считать одежду тем же плащом нельзя.

— Папка?

— В отражении есть прямоугольный тёмный участок у корпуса. Это может быть предмет, складка или часть фона.

Никита сжал карандаш. Всё, что он помнил о Дарье в дверях, просилось соединиться с плечом, светлым краем и прямоугольником. Мозг уже дорисовывал её лицо там, где камера не сохранила даже подбородка.

— Костров видел эту фигуру? — спросил он.

— Нет. Он дежурил внизу. Его первое объяснение относится к женщине, прошедшей через холл позднее, около 22:33. Не смешивайте два наблюдения.

Вот где пятница раскалывалась окончательно. В 22:21 дверь 174 открыли механизмом со стороны квартиры, и неясная фигура отразилась у лифта. Около 22:33 камера 168 сняла женщину в жёлтом в другом участке общей зоны. Костров видел её до публикации ролика, а потом просмотр загрязнил память. Между событиями лежало двенадцать минут и ни одного честного основания назвать обе фигуры Дарьей.

— Можно проверить служебную дверь? — спросил Никита.

Мазин вывел нужные строки. В 22:21:39 её створка открылась из коридора шестнадцатого этажа. События разрешённой карты не было. Система зарегистрировала механическое открытие после команды диспетчера.

— Кто дал команду?

— Архив хранит номер рабочего места, — сказал Мазин. — Не человека. Рабочее место диспетчерской два.

— Там была Вера?

Рощина закрыла экран ладонью, хотя Никита и так не видел списка смен.

— График устанавливает, кто должен был работать. Не кто сидел за пультом и нажал кнопку. Объяснение сменщика, журнал входа и авторизация ещё проверяются. С Вами это имя уже сыграло одну шутку.

— Я помню.

— Тогда формулируйте без него.

Никита записал: «В 22:21:39 служебная дверь открыта диспетчерской командой с рабочего места 2. Оператор не установлен». Потом добавил: «Не доказывает сговор и не устанавливает фигуру».

Мельников наклонился к Мазину.

— А почему без карты? Диспетчер открывает только по звонку.

— Или при неисправности, переносе груза, пожарной проверке, просьбе подрядчика, — перечислил инженер. — В системе нет поля для причины, если оператор не оставил примечание.

Примечания не было.

Рощина попросила распечатать ограниченную выборку и заверить происхождение. Никите копию не дали. Он перенёс на свой лист только номера событий, которые следователь разрешила записать как сообщённые ему сведения.

Оставался выбор, ради которого он настоял на повторе. Можно было закончить: передать полиции новую схему и вернуться на линию. Но тогда он снова стал бы человеком, которому улика просто упала в руки. Другой путь требовал проверить собственное действие, от которого зависела вся последовательность.

— Моя отметка «Передал» могла быть нажата не у двери, — сказал он.

Рощина посмотрела на него внимательнее.

— У вас есть причина так думать?

— Я часто закрываю заказ в лифте, если клиент долго ищет код. Или ещё в коридоре. В пятницу помню, что Дарья попросила нажать сразу. Но мы договорились не считать память опорой. Если событие создано позже, я мог выйти от неё ближе к 22:15 или 22:16. Тогда до открытия велосипеда оставалось две минуты. Маршрут через главный выход не сходится.

Мазин возразил:

— Вы уже измерили быстрый вариант.

— Сегодня днём, с ожидающей кабиной. Пятничный вызов мог увести её на П. Если я не проверю момент нажатия в самом телефоне, мы подгоним двери под серверную отметку.

— Телефон уже копировали, — сказала Рощина. — Что вы предлагаете искать?

— Не геолокацию и не данные клиентов. Локальный журнал интерфейса: когда экран заказа был активен, когда я нажал кнопку и когда приложение подтвердило закрытие. Если он сохраняется. Сева знает.

Рощина позвонила аналитику на громкой связи. Сева ответил после третьего гудка и, услышав вопрос, попросил не путать три времени: касание кнопки, создание события на устройстве и приём сервером.

— В обычной выгрузке есть два последних, — сказал он. — Касание отдельно не логируется, иначе мы хранили бы каждое движение пользователя. Но на телефоне мог остаться диагностический пакет после пятничного зависания. Курьер жалобу не отправлял?

— Не отправлял, — сказал Никита.

— Тогда пакет мог перезаписаться. Проверять нужно на копии и только по идентификатору этого заказа. Я сам доступ к телефону получать не должен. Пусть Крылов выделит журнал, а мне даст обезличенные поля.

— Это поможет? — спросила Рощина.

— Может установить задержку между созданием и сервером. Место не покажет. И если записи нет, отсутствие ничего не докажет.

Никита согласился передать запрос через протокол. Он терял ещё один кусок контроля над собственной техникой, но впервые делал это не потому, что ему велели, а потому, что обнаружил слабое место в версии.

Пока оформляли дополнение, Мазин нашёл ещё одну строку. В 22:22:04 нижняя служебная дверь на уровне П открылась разрешённой картой. Между шестнадцатым этажом и П было двадцать пять секунд — слишком мало для пассажирского лифта с остановками, но достаточно для второй двери, открытой другим человеком.

— Значит, их было двое, — сказал Мельников.

— Значит, было два события разных дверей, — поправил Никита раньше Рощиной. — Число людей журнал не считает.

Следователь едва заметно кивнула.

Номер карты нижней двери относился к пулу подрядной охраны. Индивидуального закрепления в выгрузке не было: карты выдавали на пост посменно. Мельников сообщил, что такой порядок нарушал внутреннюю инструкцию, но Рощина попросила подтвердить это документом, а не возмущением задним числом.

Имя Туманова возникло в голове у Никиты само. Подрядная охрана, мужчина без нашивки, служебная дверь, карта поста — линию можно было провести одним движением. Он не провёл.

— Руководитель подрядчика видит эти журналы? — спросил он.

— Это вопрос для официального запроса, — ответила Рощина. — Не для звонка ему.

— Я не буду звонить.

— И не пишите в чат, что охрана вывела Дарью через подвал.

— Журнал этого не говорит.

— Хорошо. Повторите, что он говорит.

Никита прочёл по листу: дверь квартиры 174 открылась после его подтверждённого ухода от велосипеда; сигнал соответствовал внутренней ручке, но не устанавливал человека. В отражении общей зоны появилась неясная фигура, которую нельзя назвать Дарьей. Через тридцать одну секунду служебную дверь шестнадцатого этажа открыли диспетчерской командой с рабочего места два, оператор пока не установлен. Ещё через двадцать пять секунд карта подрядной охраны открыла другую дверь на уровне П; события могут быть связаны, а могут совпасть по времени. Женщина в жёлтом прошла позже, около 22:33, и это отдельное наблюдение Кострова, различавшееся до и после опубликованного ролика.

— Теперь похоже на маршрут, — сказал Мельников.

— На несколько событий, — ответил Никита. — Маршрут появится, когда будет доказано, что между ними двигался один человек.

Он сам удивился раздражению в своём голосе. Неделю назад из этих строк он собрал бы ролик: дверь, тень, диспетчерская команда, карта охраны, жёлтый плащ. Поставил бы стрелки, ускорил пустые секунды и назвал «последним путём Дарьи». Тысячи людей посмотрели бы и запомнили не оговорки, а стрелки.

У выхода Рощина отдала ему его схему. На обороте появилась её запись: «Проверяемое событие не равно личности».

— Зачем вы всё-таки настояли на повторе до журнала? — спросила она.

— Хотел понять, где мог соврать сам себе.

— Поняли?

— Везде, где поставил имя вместо движения.

На улице начал моросить дождь. Никита снял велосипед с замка в 13:17 и машинально посмотрел на приложение. За время в управляющей компании он пропустил повышенный спрос и три персональных предложения. Алина написала, что идёт на встречу с юристом и не нуждается в сопровождении. Он набрал: «Если передумаешь — скажи», — и не стал добавлять, что всё равно приедет.

Первый заказ повёл его в соседний квартал. На светофоре телефон завибрировал: неизвестный номер прислал фотографию его листа из пекарни. Того самого, где были пятничные отметки и правило про проверяемое событие. Снимок сделали сверху, пока бумага лежала на столе. В нижнем углу виднелась часть его руки.

Под фотографией стояло одно предложение: «Ты опять увидел больше, чем сумеешь доказать».

Никита не ответил. Остановил запись камеры, чтобы сообщение не попало в случайную выгрузку вместе с лицами прохожих, сделал снимки экрана и позвонил Рощиной.

— Не пересылайте в чат и не выясняйте владельца номера, — сказала она. — Сохраните устройство как есть. Где вы сейчас?

Он назвал перекрёсток.

— Можете продолжать смену?

Вопрос был неожиданным. Раньше она говорила ему работать, будто работа удерживала его от вмешательства. Теперь оставила выбор.

Никита посмотрел на адрес заказа. Клиент ждал лекарства, таймер уже стал красным. Если он вернётся, чужой человек решит, куда ему ехать, одним сообщением. Если поедет к «Маяку-12», сделает ровно то, на что его толкали: начнёт ловить тени.

— Могу, — сказал он. — Но сначала заеду к вам и передам телефон на копирование сообщения. Потом возьму резервный у Алины и вернусь на маршрут.

— Это займёт час.

— Значит, потеряю час. Зато номер не получит от меня ни ответа, ни следующего шага.

Он отменил заказ, указав причину без подробностей, и сообщил диспетчеру даркстора, что задержится по официальному вызову. Затем застегнул рюкзак, проверил замок и поехал не к башне, а к отделу.

Позади оставался подъезд, где дверь открыли изнутри после предполагаемого ухода Дарьи. Впереди — фигура без лица, две служебные двери и чужая попытка превратить его любопытство в поводок.

Впервые повтор пятницы не вернул ему память.

Он вернул ему право выбрать следующий поворот.

Глава 8. Домовой чат

Резервный телефон Алины оказался старым, тяжёлым и слишком честным: на разбитом экране не помещалось целиком ни одно длинное сообщение. Никита видел только начало каждой реплики, а чтобы дочитать, должен был открыть её и тем самым провалиться в общий шум.

Телефон с угрозой остался у Крылова. С него сняли копию сообщения, отдельно зафиксировали фотографию и служебные данные, которые сохранил аппарат. Рощина не обещала найти отправителя по номеру. Она обещала проверить то, что можно проверить, и ещё раз велела Никите не отвечать.

К вечеру ему казалось, что молчать будет легко. Потом Алина добавила его в домовый чат «Маяк-12 / башня Б».

— Я не могла переслать тебе всё по одному, — сказала она. — Там уже пишут про тебя.

— Зачем они тебя туда вернули?

— Я всё ещё собственница, как бы некоторым ни хотелось обратного.

Она произнесла это ровно, но поставила кружку мимо светлого следа на столе. Никита подвинул под неё подставку. Такая мелочь обычно раздражала Алину; сегодня она даже не заметила.

В чате было триста восемьдесят четыре непрочитанных сообщения.

Сначала жильцы спорили, выходила ли Дарья из квартиры. Потом — была ли она вообще дома. Затем кто-то выложил снимок двери 174 с полицейской лентой, хотя ленту сняли ещё утром. Старый кадр выдавали за сегодняшний. Под ним появился обрезанный скриншот с камеры 168: жёлтое пятно, белые цифры 22:27 и стрелка, нарисованная поверх чужого плеча.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.